

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Выходит под редакцией: В. Ставского, Е. Петрова, В. Лебедева-Кумача, Н. Погодина, О. Войтинской.

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ С О Ю З А С О В Е Т С К И Х П И С А Т Е Л Е Й С С С Р

АПРЕЛЬ
26
ВТОРНИК
1938 год
№ 23 (730)
Цена 30 коп.

РАЗВЕРТЫВАЙТЕ ИЗБИРАТЕЛЬНУЮ КАМПАНИЮ!

12 апреля началась избирательная кампания в Грузинской и Армянской ССР, 24 апреля — в Казахской, Туркменской, Азербайджанской, Таджикской, Узбекской, Кыргызской ССР. Сегодня избирательная кампания начинается в РСФСР, Украинской и Белорусской ССР.

Великий пролетарский писатель Максим Горький и лучший поэт нашей советской эпохи Владимир Маяковский оставили нам прекрасные традиции: не было в стране ни одного большого события, на которое они бы не откликнулись.

С большим подъемом, радостью и воодушевлением народы 11 союзных республик славного созвездия СССР готовятся к выборам в Верховные Советы. Созданы центральные избирательные комиссии, намечены избирательные округа и участки.

Великий художник мира Горький считал за честь написать агитационную статью, небольшую брошюру, и его слова звучали на весь мир. Он написал свою знаменитую статью «Если враг не сдается, его уничтожают», и призыв этот был услышан всеми, он звучит и сегодня.

На предвыборных собраниях в Грузии и Армении выдвинуты первые кандидаты сталинского блока коммунистов и беспартийных. Народ выдвигает кандидатов лучших своих сынов, доблестных патриотов, непоколебимых борцов за счастье рабочих и крестьян, за социализм. И первым из первых — любимого Сталина.

Союзу советских писателей надо встать за создание небольших агитационных брошюр, рассказывающих избирателю о торжестве ленинского-сталинского национальной политики, о победах страны социализма, ее единении с республиками, расцвете культуры народов СССР. Разве не почетная работа для советского писателя — создать серию высококвалифицированных брошюр о нашей родине?

Радостное, бодрое, праздничное настроение парит сейчас в городах и селах нашей родины среди 170-миллионного советского народа. Визитка 1 мая. Весь народ готовится к этому великому пролетарскому празднику. Миллионы советских патриотов выйдут на улицы и площади городов и сел с боевыми первомайскими лозунгами, демонстрируя свою силу и мощь, свое железное единство, свою преданность делу Ленина — Сталина.

Статьи и книги М. Горького, поэмы, стихи, лозунги, подписи и плакаты В. Маяковского звучат и сегодня, как боевой призыв.

Рабочие и крестьяне! Развертывайте избирательную кампанию! Выдвигайте совместно в Верховные Советы союзных и автономных советских социалистических республик лучших людей, преданных делу Ленина — Сталина!

Статьи и книги М. Горького, поэмы, стихи, лозунги, подписи и плакаты В. Маяковского звучат и сегодня, как боевой призыв.

Да здравствует блок коммунистов и беспартийных в предстоящих выборах Верховных Советов союзных и автономных советских социалистических республик!

Статьи и книги М. Горького, поэмы, стихи, лозунги, подписи и плакаты В. Маяковского звучат и сегодня, как боевой призыв.

Вся страна приходит в движение, чтобы провести предстоящие выборы еще лучше, еще организованнее, чем выборы Верховного Совета СССР, и обеспечить сталинскому блоку еще одну новую победу.

Статьи и книги М. Горького, поэмы, стихи, лозунги, подписи и плакаты В. Маяковского звучат и сегодня, как боевой призыв.

Советский народ оказал мастерам слова огромнейшее доверие: он избрал в депутаты Верховного Совета СССР группу советских писателей. Не мало художников слова работало в избирательных комиссиях. И сейчас, начиная подготовку к выборам Верховных Советов союзных и автономных республик, народ выдвигает писателей в избирательные комиссии. На Украине членом Центральной избирательной комиссии утвержден тов. Корнейчук, в Грузии — тов. Мосалышвили, в Армении — тов. Араптонян (Арап), в Казахстане — тов. Токамаганбетов.

Статьи и книги М. Горького, поэмы, стихи, лозунги, подписи и плакаты В. Маяковского звучат и сегодня, как боевой призыв.

Работа в избирательной комиссии — будь то центральная, окружная или участковая — важнейшее политическое дело, эта работа дает писателю политическое зарядку, организационный навык и выводит перед ним новые темы его будущих произведений.

Статьи и книги М. Горького, поэмы, стихи, лозунги, подписи и плакаты В. Маяковского звучат и сегодня, как боевой призыв.

Оружие художника — слово. «Слово — мощнейшее человеческой силы». С этим оружием советский писатель пойдет в избирательные участки, к избирателям, чтобы агитировать за дело Ленина — Сталина, за нашу родину, за социализм, за кандидатуры непобедимого сталинского блока!

Статьи и книги М. Горького, поэмы, стихи, лозунги, подписи и плакаты В. Маяковского звучат и сегодня, как боевой призыв.

ЗАМЕЧАТЕЛЬНОЕ СОВЕЩАНИЕ

С берегов Тихого океана, с пограничных застав на реке Усури, из юного города Комсомольска, с Продековских и Даурских сопек, с лагуб боевых судов Амурской речной флотилии, с глухих таежных уголков собрались участники на это необычайное совещание. Добрались они верками, на автомашинах, где возможно — поездом, а один из участников совещания (шоферский Колларов) прилетел на самолете. Совещание литературного актива было создано по инициативе Политуправления ОКДВА и редакции газеты «Трехгвоз».

В конце совещания был организован семинар. Были рассмотрены произведения Камышова, Вагнера, Войтова, Утля, Гриншова, Алеева и других. Работая свои произведения, поэты тут же знакомились с образцами творчества лучших советских писателей.

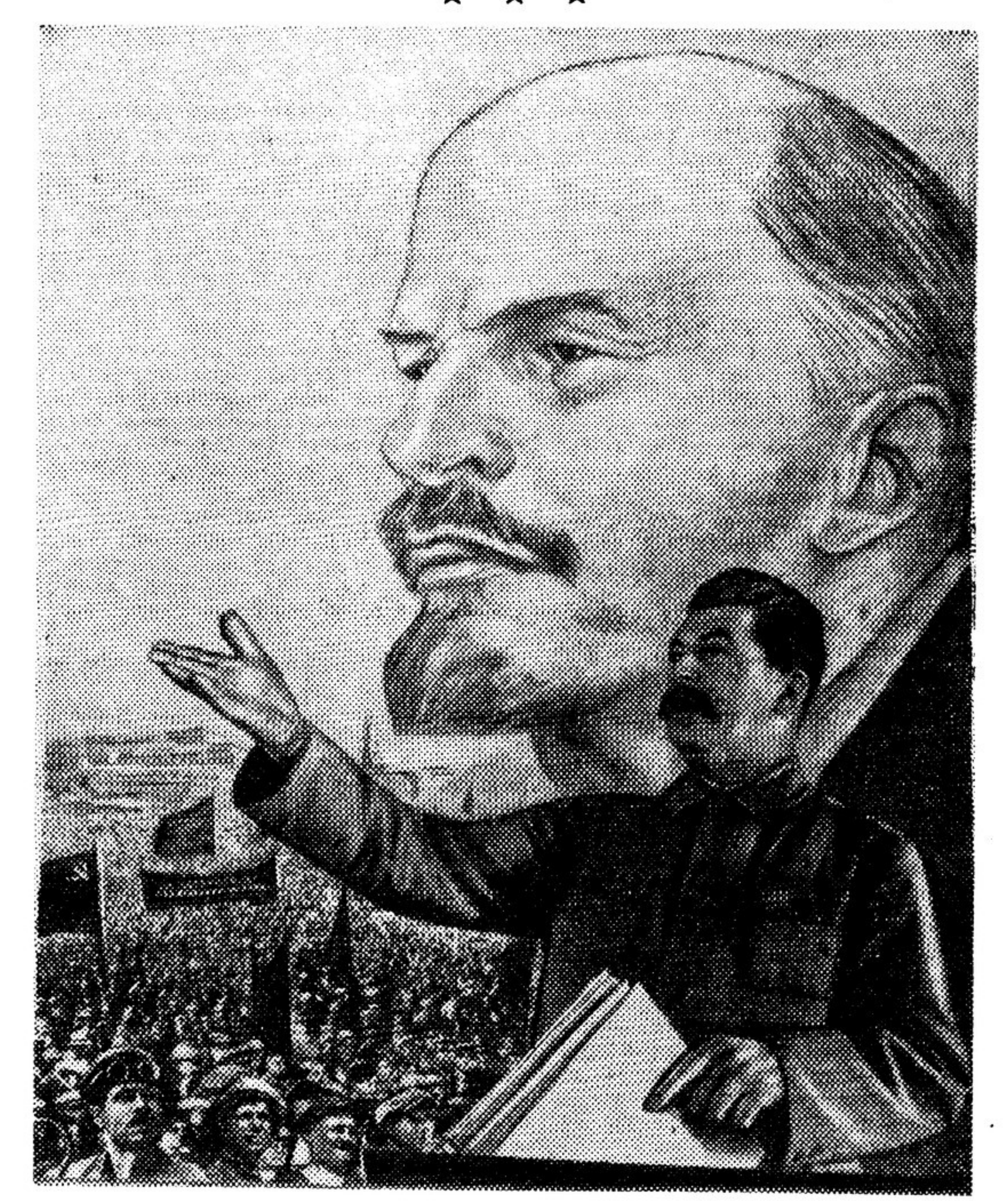
Да здравствует блок коммунистов и беспартийных в предстоящих выборах Верховных Советов союзных и автономных советских социалистических республик!

(Из лозунгов ЦК ВКП(б) к 1 мая 1938 г.)

Писатель-аудитор

Разве так ново для писателя быть пропагандистом? Разве не ведет он ежедневно значительные беседы с самыми широкими кругами читателей, «убеждая» их своими книгами в том, что ему кажется самым существенным, — в правильности своего способа видеть и объяснять жизнь? Наконец, орудие писателя — слово, разве это не то же орудие, каким призван оперировать и пропагандист? Так откуда же твое волнение? В чем его причины?

Примерно, так спрашивал я себя шесть месяцев назад, перед началом занятий в кружке текущей политики, которым мне предстояло руководить.

«Быть такими, какими был великий Ленин» — Плакат работы художника В. Елкина, выпущенный Издательством в Верховный Совет РСФСР.

Новысим большевистскую бдительность!

Общее собрание сотрудников Издательства детской литературы ЦК ВЛКСМ вместе со всем советским народом приветствует решение Президиума ВЦИК о выборах в Верховный Совет РСФСР.

Под руководством большевистской партии, коллектив работников Детиздата сумеет развернуть широкую агитационно-пропагандистскую работу и придет на выборы Верховного Совета РСФСР еще более сплоченным вокруг большевистской партии, ее Сталинского Центрального Комитета, вождя и учителя народов товарища Сталина.

Единство и сплоченность вокруг большевистской партии

Собрание сотрудников Гослитиздата, посвященное постановлению Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета «О дне выборов в Верховный Совет РСФСР», единодушно и горячо приветствует постановление Президиума ВЦИК о начале избирательной кампании и о дне выборов.

Вовлечем в агитационную работу новых активистов

Приветствуя постановление Президиума ВЦИК о дне выборов в Верховный Совет РСФСР, мы широко развернем на нашем участке избирательную кампанию, используя опыт работы во время выборов в Верховный Совет СССР. Мы вовлечем в агитационную работу новых активистов, выдвинем и выберем в Верховный Совет РСФСР кандидатов нерушимого и крепкого блока коммунистов и беспартийных.

В заключение на совещании литературного актива ОКДВА выступил о. н. начальник ПУАРМ ОКДВА тов. Шульга. Тов. Шульга передал горячий привет литевату от маршала Советского Союза тов. Блюхера.

Московский клуб писателей

Казалось бы, в Доме писателя было все, как полагается. Ежедневно писатели получали несколько новостей, из которых они узнавали, что в Доме состоится очередной декаданс, утренник и полагающаяся по плану встреча.

История пьесы «Дружба» в этом отношении весьма показательна. «Дружба» оценена по достоинству. Но как жаль, что одаренный поэт В. Гусев не смог предельно прочесть свою рукопись в кругу друзей в Московском клубе писателей.

Наша литература, люди эмоционально мало или безразличные, даже и тогда, когда они читали книги Ленина. Они знакомы с идеями, но у них идеи извещены в пустоте, эмоциональной основы — не имеют. Вот какова, — на мой взгляд — разница между писателем и читателем нашего времени. Этой разнице я и объясняю себе все пороки современной литературы.

Мы мечтаем о том, чтобы в клубе писателей происходили встречи критиков и читателей, чтобы критики писали для читателей.

В ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

РАБОТАТЬ ЛУЧШЕ, ИТТИ ВПЕРЕД

На отчетно-выборном собрании Жургазоб'единения

Два вечера продолжались отчетно-выборное собрание коммунистов Жургазоб'единения. В своем отчетном докладе секретарь парткома тов. Абольников рассказал членам парторганизации о работе парткома за последний год. Состав парторганизации Жургаза разнородный. Здесь — работники издательства, гарара, редакция газет и журналов. Коммунисты работают в редакциях 30 различных газет и журналов, разбросанных в разных концах города. Все это создает известные трудности в работе парткома.

Работающие ряда врагов народа, проявившихся на руководящих постах в издательстве и отдельные редакция, политическая работа, — все это следует записать в актив парткома.

К выборам нового парткома парторганизация пришла сплоченной и единой. Большую работу провел партком во время избирательной кампании в Верховный Совет СССР. Под руководством парткома коммунисты и беспартийные сотрудники работали в прикрепленных домах, где было создано 22 кружка по изучению Сталинской Конституции, выпускались стенные газеты, проводились собрания домохозяйств, беседы, лекции. За время избирательной кампании партийная организация обогатилась новыми методами массово-агитационной и организационной работы. Борьба за овладение большевизмом, партком сумел создать в Жургазе 13 различных полкружков, в которых занимается 340 человек, — половина коллектива Жургазоб'единения.

Но, как отмечали выступающие в прениях, в работе парткома имелось много существенных недостатков. Выступающие указывали, что партком не всегда был бдителен и проработал некоторых врагов народа, разоблаченных помимо парторганизации.

В прениях по отчету парткома выступили 30 человек — половина присутствовавших на собрании. Первые ораторы зашли далеко. Вместо деловой критики они начали беспорядочное возмущение парткома. Так поступил, например, открывший прения т. Белом, не закончивший выслушать отчет в работе парткома. По его словам пошел т. Звенич и другие товарищи. Дело дошло до того, что президиум собрания пришлось обратиться к коммунистам с вынесением о существовании такого боевого органа, как большевистская критика и самокритика. Об этом говорил и представитель Свердловского района ВКП(б) т. Саветов, отмечая серьезные недостатки в работе парткома. Лишь после вынужденного выступления президиума и призыва представителя райкома прения пошла по правильному пути. Развернувшаяся критика недостатков в работе парткома, издательства и отдельных редакций.

Враги народа, орудовавшие в Жургазе, засорили аппарат чуждыми людьми, культивировали подхалимство, угодничество и семейственность, глушили критику, затарили способных работников, пытались вытеснить ими таланты, не боролась за качество, пренебрежительно относилась к советскому рублю. Работа по ликвидации последствий вредительской деятельности идет еще недостаточно. Вопрос о кадрах, о выдвижении новых работников и воспитании их в большевистском духе должен стоять в центре внимания нового парткома и руководителей издательства.

В прениях отмечалось, что партком недостаточно решительно реализует решения январского пленума ЦК ВКП(б). Плохо поставлена работа с беспартийным активом. Во время выборов в Верховный Совет писатели готовятся к выборам в Верховные Советы

ПИСАТЕЛИ ГОТОВЯТСЯ К ВЫБОРАМ В ВЕРХОВНЫЕ СОВЕТЫ

Украина. Гослитиздат Украины выпускает отдельные книжки очерки и рассказы писателей М. Тардова, И. Платина, В. Минко, М. Черняка и других, посвященные выборам в Верховный Совет Украины. Госназдиздат выпустил книги на еврейском, болгарском и немецком языках. Украинский институт фольклора Академии наук УССР подготовил сборник народного творчества, в котором рассказывается о счастливой жизни нашей родины.

СССР многие беспартийные, работающие агитаторы, показали себя настоящими партиейными большевиками, достойными быть в рядах партии. Как же обстоит дело с ростом партийного ядра? В издательстве 650 работников, а в группе отсутствующих только 9 человек. Но и с этой небольшой группой систематической работы не велось. Нет систематической работы и с кандидатами партии. Плохо растет парторганизация за счет комсомольцев, в свою очередь медленно растет и комсомол. Некоторые комсомольцы, в том числе и секретарь комсомольского комитета т. Диваков, выдумали вредную и глупую теорию о том, что якобы в Жургазе нет баз для роста рядов ВЛКСМ. На партийном собрании т. Дивакову пришлось признать вредность этой теории и сообщить, что в Жургазе есть свыше 20 молодых людей, показавших себя хорошими общественниками и достойными быть комсомольцами.

За последние время, после разоблачения врагов народа, парторганизация выдвинула ряд способных работников. Это выдвигание надо продолжать. Способных, преданных партии людей в Жургазе есть не мало, надо только с ними систематически работать. Но вот этого-то именно и не делал старый партком. В этом его справедливо упрекали выступающие в прениях.

В прениях выступили все члены парткома, рассказывавшие собранию о том, как они работали. Тов. Евнович выступил с самобичевой ревью и рассказал о слабых сторонах партийного просвещения. Многие товарищи отмечали отсутствие работы с пропагандистами и агитаторами парткома и Свердловского района.

Аппарат Жургаза работает не так, как надо. Он плохо обслуживает и не учитывает значения и специфики выпускаемого издания, имеющих миллионы разнообразных читателей в разных концах земного шара.

В своем выступлении тов. Пеховольский говорил о том, что хозяйственные, рабочие и политические работники должны быть политически грамотными, а не политическими мерзавцами (т.т. Пинчук, Мироновский, Дрянов).

Главный грех старого парткома, — говорил в своем выступлении т. М. Кольцов, — самоуспокоенность. Прорывов, мол, у нас особенных нет, и волноваться нечего. Успехи, даже маленькие, гибнут, если появляется самоуспокоенность, отсутствует бдительность. Тов. Кольцов указывает, что перед новым парткомом стоят большие задачи. Надо провести работу по упорядочению и очищению аппарата, создать актив при каждой газете и журнале, организовать предварительный контроль над выпуском издания, укрепить финансовую дисциплину, научить всех работников бережливости государственную копейку. Перед новым парткомом, парторганизацией и всем коллективом Жургаза стоит боевая задача — по-большевистски готовиться к выборам в Верховный Совет РСФСР.

Прения показали, что партийная организация Жургаза стоит на крутых большевистских ногах и способна выполнять любое задание партии. Надо только, чтобы самокритика развернувшаяся на отчетно-выборном собрании, стала методом в работе нового парткома, всей парторганизации.

Партсобрание выбрало новый партком и делегатов на Свердловскую районную партконференцию. В партком избраны семь человек, в том числе три члена парткома старого состава. Секретарем парткома избран тов. Евнович.

Узбекистан

Оргкомитет союза советских писателей Узбекистана выпустил несколько книг, посвященных Сталинской Конституции. Вышли в печать сборники произведений о Сталинской Конституции и избирательной кампании. Писатели Хасан Пулатов, Амин Умар, Гайрати готовят материалы для областного литературного собрания с выборами в Верховный Совет Узбекской ССР. Писатели будут выступать на митингах и читать свои произведения на тему о предстоящих выборах.

Ликвидировать последствия вредительства

На отчетно-выборном собрании Гослитиздата

Два дня парторганизация Гослитиздата обсуждала отчетный доклад секретаря парткома т. Заболотнова.

В парторганизации Гослитиздата долгое время орудовали разоблаченные органами НКВД враги народа. Коммунисты Гослитиздата не проявляли должной политической бдительности, в результате чего в составе прошлого парткома оказались два врага народа.

Прежнее руководство издательства в лице директора Нахоркова велось в направлении врагов, трагично на них государственные деньги. Целиком разбазарен директорский фонд.

Естественно, что прежде всего партийное собрание заинтересовалось вопросом, как в издательстве велась борьба с последствиями вредительства, как преодолевались наследие нахорковщины. Тов. Зырянов вполне правильно упрекает докладчика в том, что он не уделял достаточного внимания этому важнейшему вопросу. Тов. Зырянов рассказывает о том, как враги народа находили приют в издательстве.

Выступающие в прениях указывали, что особым доверием враги народа пользовались в секторе издателей и его руководителем Лебедевым-Полянским. Лебедев-Полянский обманул издательскую «сморчуху» целую группу людей, подставив имешных никакой квалификации, последствия разоблаченных органами НКВД. На работу за редакция ружьях клясменов привлек врага Языкова, не имевшего ничего общего с литературой. Особым расположением его пользовался Оксман, которому были отведены на откуп Пушкин и Добролюбов.

Однако Лебедев-Полянский не только не извлек уроков из своей порочной практики, но он велчески пытается избежать самокритики. Вообще, по мнению ряда выступающих, он не обеспечивает руководящим сектором, высокомерно относится к ситуации и голосу общественности.

ГОТОВЯСЬ К ОТЧЕТУ...

Когда узнаешь о том, что некоторые из молодых советских писателей считают «неудобным» вступать в организацию передовой советской молодежи — Ленинский комсомол, то сначала не веришь этому, а потом начинаешь возмущаться, безобразным отношением комсомольской организации союза писателей к воспитанию внекомсомольской молодежи.

С чувством удивления читаешь тогда статью секретаря писательской комсомольской организации А. Когана, помещенную в «Литературной газете». Сей руководитель пишет о чем угодно — о работе редакции журнала «Знамя», о секторе молодых писателей, наконец, о секторе издательства «Советский писатель», но только не о работе комсомольской организации. А. Коган указывает, например, что «за последние время в комсомол принято 4 товарища, но забывает указать, что это «последнее время» продолжается почти два года. А. Коган на словах признает комсомольцев к критике своих ошибок и исправлению их, на деле же не считает нужным рассказывать литературной общественности о действительном положении в комсомольской организации.

В комсомольской организации союза писателей — 24 человека. Организация сравнительно небольшая, но тем большая ответственность падает на каждого комсомольца за свою работу, за поддержание авторитета комсомола среди беспартийных молодых писателей, за воспитание нашей советской молодежи.

Между тем с политическим воспитанием в комсомольской организации ОСП дело обстоит весьма неважно. В течение года комсомольские кружки почти не собирались. В августе прошлого года в комсомольском кружке истории партии занятия провел один руководитель, затем два занятия — другой. Только в феврале 1938 г. партком вдобавление выделит нового руководителя комсомольского кружка, который провел также только два занятия, третье же занятие сорвалось по вине самих комсомольцев.

Наиболее подготовленные комсомольцы были включены в сеть партийного просвещения, но и здесь им не повезло. Кружок т. Пельше не собирался 2 месяца, да и работа в нем шла неинтересно и не удовлетворительно комсомольцев.

Комсомольская организация не сумела развить комсомольцам, что их творче-

О вредительской деятельности в секторе издательской литературы, руководимом в свое время врагом народа, говорил т. Анисимов. Вухаринский приспешник Ионов группировал вокруг сектора совершенно некачественных переводчиков, ныне разоблаченных органами НКВД. Он провокационно задерживал книги революционных антифашистских писателей.

Тов. Анисимов совершенно правильно отметил, что в отчете и в прениях мало уделялось внимания производственным вопросам, хотя Гослитиздат является, как известно, основным издательством художественной литературы. Это признавали и другие ораторы, в частности представитель Куйбышевского района. И совершенно правильно отмечено в резолюции, принятой собранием, что парторганизация издательства приняла слабое участие в литературно-политической жизни.

Зам. главного редактора т. Ржанов отмечает, что выводы комиссии Наркомфина, вскрывшей расточительную практику прежнего руководства издательства, заставили дирекцию броситься в другую крайность. В издательстве сообразились даже если это связано с политическими важными мероприятиями. Так, дирекция поддалась отступлению 500 рублей на проведение вечера посвященного 70-летию со дня рождения Горького. Вместе с тем не мало еще фактов повышения себестоимости книги путем непропорциональных расходов.

В прениях говорилось о слабой партийно-массовой работе в издательстве, в частности, о работе с беспартийными. Партком почти не созывался открытые партийные собрания. За отчетный период принято всего лишь 2 комсомольца в кандидаты партии.

Собрание избрало новый партком в составе 7 человек.

В. АНДРЕЕВ

ская работа неразрывно связана с полнотой идейно-политического уровня, не сумела привлечь желания посвященно работать над своим политическим развитием.

Мало работала комсомольская организация и среди беспартийной молодежи. За два года в комсомол принято всего лишь 4 человека, из которых только один — литературный работник. А. Коган выдвинул политически вредное, ничем не обоснованное положение, что «у комсомольской организации писателей нет баз роста», что «писатели не хотят вступать в комсомол». Дело, конечно, не в отсутствии баз роста а в отсутствии всякой работы с беспартийной молодежью, а часто и в неучтотном отношении к ней. За примером ходить недалеко. Тов. Мамонтов после признания его в комсомол в течение пяти месяцев писатель ждал вызова в райком ВЛКСМ для получения комсомольского билета. Но неожиданно выяснилось, что документы тов. Мамонтова А. Коганом в райком не передавались.

В комсомольской организации много персонала, состоящих в комсомоле по 10-13 лет. О вовлечении лучших из них в ряды партии не заботится ни комсомольская организация, ни партийный комитет. За последние годы партийная организация союза писателей не приняла в партию ни одного комсомольца. Секретарь парткома т. Осекян, не смущаясь, заявил: «Комсомольцы нам не воспитаны для перехода в партию». Тов. Осекян имеет весьма смутное представление о том, чем сейчас занимается комсомольцы. Готовясь к отчету партийного комитета т. Осекян забывает о комсомоле, звалом А. Когана и на основании беседы с ним составил отчет по разделу «Руководство комсомолом».

В ближайшее время состоится отчетно-выборное собрание парторганизации союза советских писателей. Писатели-коммунисты должны наметить конкретные мероприятия по улучшению работы комсомольского комитета и осудить такое, о позволения сказать, партийное руководство комсомольской организации, которое было до сих пор.

Нужно, чтобы работа комсомольской организации обеспечивала идейно-политический и творческий рост комсомольцев и молодых писателей, не состоящих в ВЛКСМ.

Н МИХАЙЛОВ

ОБЗОР ПЕЧАТИ

Утраченная традиция

Основным трибуном революция тов. Володарский Ленинградская «Красная газета» известна была как одна из тех довольно редких газет, которые отводили много места художественной литературе. В самые трудные и боевые дни гражданской войны со страниц газеты не сходили стихи и рассказы. Позже в «Красной газете» стали регулярно появляться целые полосы, посвященные вопросам литературной критики и биографии. На протяжении «Красной газеты» возник и вырос новый здравствующий рабочий литературный журнал «Резан» здесь начали печататься многие писатели и литераторы Ленинграда.

После ликвидации печальной памяти газеты «Литературный Ленинград» казалось, что роль «Красной газеты» в литературной жизни Ленинграда должна еще более возрасти, что своей прежней литературной традицией газета к этому прекрасно подготовлена. Но вот мы взяли комплект газеты за два месяца — февраль и март текущего года — и нас, по правде сказать, охватило разочарование.

В Ленинграде много полных поэтов и писателей. По количеству квалифицированных литераторов — это первый после Москвы город. Однако напрасно мы стали бы искать эти имена и вообще литературно-художественный материал на столбах «Красной газеты». За два месяца газета поместила только один беллетристический очерк, да и тот переводный, — «Смерть крестьянина» Золя.

Со стихами, на первый взгляд, благополучнее. Правда, нет и речи о ежедневном стихотворном фельетоне — он давно уже сошел с газетных полос, во все же за два месяца напечатана семь стихотворений Кочено, спецбюджера в том и состоит, что она преимущественно печатает стихи злободневные. Но этот принцип злободневности сведен газетой исключительно к помещению юбилейных и праздничных стихов. Стихи появляются на газетных полосах лишь как приправа к праздничным

литературные происшествия

ПОЭТ НЕ ВИНОВАТ

«Вот строки, которые предпочитают цитировать, вместо того чтобы их комментировать» (А. Лейтес).

Последнему совету уважаемого критика и подражаем только процитировав некоторые, наиболее запалавшие в душу, строки из его статьи «Два поэта» («Новый мир», книга IV за 1938 г.), сопроводив их минимальными комментариями.

Говоря о поэме С. Шипачева «Бермуды», А. Лейтес с серьезным видом заявляет: «В ней почти нет фактур, сюжет кажется простым, чуть ли не примитивным. Встреча лириков с героем-большевиком Черепановым протекает без всяких внутренних и внешних коллизий, и это характерно для поэмы Шипачева». Прочтя это, мы были готовы даже выступить за Шипачева, но вскоре с удивлением обнаружили, что все вышеприведенное сказано не столько в порицание, сколько в похвалу, ибо об этой же поэме, которая «протекает без всяких внутренних и внешних коллизий», через пару строк Лейтес говорит, что она «местами вырастает в свободный, не отягощенный излишними интеллигентскими размышлениями, гимн великой дружбе миллионов, а временами подымается до славословия могучему политическому и моральному единству людей советской страны.» Итак, гимн великой дружбе, протекающей без всяких внутренних и внешних коллизий, — поистине, как сказал сам А. Лейтес, это в комментариях не нуждается.

В конце статьи А. Лейтес прибегает к чрезвычайно своеобразному приему формального анализа: он цитирует строки

Ливень нахлынет
...
града застучит по кручам,
но бурка тепла,
но бурка тепла,
шерстинок в ней

оставляет желать лучшего. Причин тому две. Во-первых, благодаря отсутствию объективности, благодаря возмутительно бесудному отношению к этому вопросу со стороны руководителей союза, почти ни один человек с периферии, т. е. со всего Советского Союза, кроме Москвы, за пять лет не пональ во всевозможных литвузах.

При каждом наборе институт получает сотни заявок со всех концов страны с предложениями о приеме и скрепленные печатью ответы на них, что принять не можем, ибо объективнее и степеннее не обосновываем. Об этом нельзя говорить равнодушно. Здесь чувствуется не объективная невозможность, а субъективное нежелание. Когда этот вопрос будет разрешен, то сразу во много раз увеличится количество могущих поступить в вуз и можно будет значительно повысить критерий для поступления.

Во-вторых, в самой Москве наборов до сих пор проводился не так, как должно, а самозатем. Многие талантливые люди, работающие на заводах и фабриках, да же и не подозревали о существовании вуза, и вместо них туда зачастую попадали столь же бойкие, scuole и бедарные юноши и девушки. Отсутствие организованного приема, отсутствие осведомления его в пресоб, полная безучастность к нему со стороны писателей — вот вторая, легко усмотренная причина промахов, творческих слабостей института.

Поистине удивительно то слабое участие, которое принимают писатели в творческой работе института. Мы ни минуты не думаем, что систематическое ведение семинаров — единственная форма работы писателей с молодежью. Формы работы с молодежью могут и должны быть бесконечно разнообразными: это могут быть и целые беседы, и беседы о своем творческом опыте, и обсуждение статей, прозаических или поэтических. Мы уверены, что каждый писатель, действительно желающий помочь молодежи, сам всегда найдет ту форму, в которой он сможет оказать наибольшую пользу. В этой работе должны принять непосредственное участие самые широкие круги писателей, и то обстоятельство, что писатели захотят принять это участие, доказательством одним простым фактом: стояло дирекция после пятилетнего раздумья бросить ждаль манья небесной со стороны союза и самой поговорить с писателями, как на этот призвал сейчас же откликнулись Фадеев и Мстиславский (которые уже начали работу в институте), Сельвинский и Лебедев-Кумач (которые

полюсом. Праздники или бойкие, по мнению редакции, единственно могут оправдать появление стихов в газете.

Три из семи стихотворений, помещенных в «Красной газете» за 2 месяца, были посвящены снятию со льдины и приходу павильона, остальные четыре напечатаны в юбилейных номерах.

Но если газета не печатает художественной литературы, то может быть, она следит за литературной жизнью и держит своего читателя в курсе того, что творится в литературе и на книжном рынке? Увы, и здесь мы обнаруживали недостаточную «Красной газете» бдительность. За два месяца напечатано только две рецензии — одна о сборнике, вышедшем ко дню Красной Армии, — скорее информация, чем рецензия — и рецензия на книгу Ильина «Сегодня и вчера». Ни новые книги ленинградских, московских, провинциальных или зарубежных авторов, ни ленинградские и московские журналы — ничто не привлекло внимания редакции. За эти два месяца, по мнению редакции, в литературе не появилось ничего такого, что следовало бы порекомендовать или от чего нужно было бы предостеречь читателя и писателя. Правда, было одно сообщение о новом издании поэмы Маяковского «Ленин», и в этом извещении говорилось, что Маяковский показал Ленина «языком поэтической публицистики». Нам кажется, что Маяковский и в этой поэме разговаривал с читателем языком подлинной поэзии.

Но, как бы то ни было, за исключенной двух рецензий о текущей литературе, ничего не было в газете. Литературная хроника, напечатанная за это время в газете, легко уместилась бы в одну колонку.

Справедливость требует отметить, что редакция организовала материал для номера, посвященного памяти А. М. Горького. Номер получился для областной газеты вполне приемлемым, но для ленинградской газеты эта полоса несколько бедна.

Жизнь ленинградской организации писателей тоже не привлекает к себе внимания газеты.

И очень удачно замечает по их поводу: «Эти превосходные строки звучат едва ли не классически. Здесь ничего не прибавишь и не убавишь, они показывают тот уровень мастерства к которому поднимает поэзия Шипачева». Добавим от себя, что эта фраза аэридно показывает и тот уровень мастерства, до которого опускается критика Лейтеса.

Чтобы не быть односторонним, процитируем еще одну из теоретических глубин А. Лейтеса: «Большой читатель предпочитает и ямбы, и хорей, и шпиринги, и анакрузы, и большие сюжетные поэмы, и короткие песни, он даже готов предпочесть сонеты и триолеты, — короче говоря, любую стихотворную форму, — при одном условии: она должна выражать ясно и определенно те конкретные глубины и сложные лирические переживания, которые бытуют в народе». Очевидно, А. Лейтес только что прочел «Опыты» Брюсова и захотел щегольнуть своей образованностью. Слабость простительная, но т. Лейтес не следует забывать, что читатель при всех условиях предпочитает деловые критические статьи и очень не любит ссылающейся болтовни, подобной вышеприведенной.

Что же до С. Шипачева, то остается только посоветовать ему: очень неприятно попасть под критическое оглобли, но еще неприятнее, когда тебя с ног до головы вымажут пафосом.

ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬ

«Потемкинские деревни»

Что знает писатель об учреждении, поминавшемся в доме Герцена в восьмидесятом Литературного института при союзе советских писателей? Что знает писательская общественность о своем, полчер выкаем это слово, вузе? Когда мы говорим о писательской общественности, то прежде всего имеем в виду союз писателей и его руководство, которое задает и задает тон в этом вопросе. Можно смело утверждать, что вопрос о кадрах ни когда не понимался и до сих пор не понимается здесь как вопрос о хлебе насущном. Напротив, на всех собраниях этот вопрос является вопросом несекретного порядка, этаким принудительным ассортиментом, говорить о котором считается правом хорошего тона.

Этому же правилу хорошего тона обязаны своим существованием так называемый «сектор молодых» при союзе писателей, основным занятием которого является постройка потемкинских деревень и составление соответствующих победных репортажей к каждому очередному выступлению руководящих товарищей. Потресая в воздухе этой, за полчаса до доклада прочтенной, репортажи, руководящий товарищ на рысках пролетает по шестидесяти вопросу о кадрах. Он говорит, что есть конечно, недостатки, но в то же время написто и достижения.

Бодро взглянув в бумажку, он называет число проваленных теледиков и затем проделывает ловкий вальс, безошибочно действующий на аудиторию. Еще накануне он выбирает географический пункт подале от центра и с помощью секретаря выясняет фамилию какого-нибудь функционера там молодого поэта Фангоновича эту фамилию в рукописи товарищ заявляет на собрании: «Что касается до вопроса о молодых, то в Москве, Ленинграде и Киеве это ясный вопрос — об этом вы все знаете — но я, я знаю не только то, что творится в Москве, Ленинграде и Киеве, — я знаю да же то, что творится в Копоноте, да, именно в Копоноте-то и растет молодая литература, именно в Копоноте растет и типет молодой талантливый (небольшая пауза — оратор смотрит в бумажку), молодой и талантливый поэт Редкин. Союз

К. СИМОНОВ

знает, союз следит, союз растет соею ником, не позволяя, заглушить дарование молодого талантливого поэта (небольшая пауза — оратор смотрит в бумажку), молодого и талантливого поэта товарища Редкина».

Собрание зашнотозировано! В самом деле если руководящий товарищ так подробно знает жизнь Редкина из Копонота, то после этого просто неудобно его спрашивать о том, что происходит в других, более близких и общезвестных местах. Неудобно спрашивать, потому что он, конечно, знает. Раз неудобно — стало быть, не спрашивают, и, надо сказать, зря не спрашивают, потому что руководящий товарищ как правило, об этом ничего или почти ничего не знает.

Тут мы возвращаемся к вопросу о литературном вузе. Идея этого вуза, как важнейшего звена в деле воспитания уже начинающей выявлять себя молодежи, была еще в 1933 году выдвинута Алексеем Максимовичем Горьким. У него, не в пример нынешнему руководству союза, слово никогда не раскололось с делом, и в 1933 году вуз был организован. Руководство союза, попечение которого было вверено вузу, сначала велось горячо, потом быстро остыло, потом сложилось руки и, наконец, когда ему надоело существование беспорядочного учебного заведения (это вам не лирический Редкин из Копонота), стало думать, как бы его потихонечку закрыть. Прекрасная идея Горького до сих пор не нашла должного осуществления.

Что представляет собой Литературный институт на сегодняшний день? Это — высшая учебное заведение с четырехгодичным сроком обучения и с учебными программами, примерно соответствующими программам литературных факультетов педвузов. В нем обучается около 250 человек, из них 75 на отделениях художественного перевода и 175 на творческих отделениях прозы, поэзии и критики. На творческие отделения вуза должны приниматься только люди, пишущие и могущие к моменту поступления предъявить какой-то, пусть еще не зрелый, но уже обрешавший на себя внимание творческий багаж. Задача вуза — не научить

этих людей писать — это было бы чужой, потому что научить бы писателем нельзя, — задача вуза состоит в том, что бы дать молодым, творчески проявившим себя людям высшее литературное образование, выработать в них хороший литературный вкус, помочь их работе созданием дружеской творческой среды.

Литературный вуз — не технический, здесь нельзя поручиться, что все начавшие заниматься непременно выйдут инженерами. Вполне понятно, что только часть и притом меньшая часть людей, учащих в литературном вузе, может стать писателями в полном смысле этого слова. Вполне понятно, что очень многие из числа поступающих надежды не сделаются писателями и отойдут от творческой творческой работы. Но эти люди, окончив вуз и не став писателями, а в то же время отшель не будут ползать среди неудачников, понине обивающих пороги всех издателей и журналов. Нет, те учащиеся литвуза, из которых не вырабатываются писатели, выйдут из вуза образованными, культурными и обладающими вкусом людьми, способными работать в редакциях, литконсультациях, литлетодах газет, людями, которых не так много и в Москве, не говоря уже о периферии, где в них ощущается самая острая и неотложная нужда.

Здесь мы подходим к вопросу о том, как и в какой мере на сегодня литвуза является тем, чем он может и должен являться. Отношение к литвузу со стороны союза писателей прежде всего характеризуется половинчатостью, возмездием в принципе. Если, с одной стороны, вуз должен давать и дает высшее литературное образование, то, с другой стороны, руководство союза намеренно тормозит включение вуза в государственный титульный список, боится какой-то мифической издательской академизации. Если, с одной стороны, союз в принципе считает нужным обеспечивать студентов стипендиями то с другой стороны, этими стипендиями обеспечивается ничтожное меньшинство (на всех первых трех курсах — 28 человек). Если, с одной стороны, союз на словах признает всеобщее значение этого единственного в своем роде вуза,

то, с другой стороны, пять лет мы безрезультатно бьемся над тем, чтобы было организовано общежитие для приезжающих с периферии. Эта половинчатость, проваленная союзом по отношению к вузу, привела его к тому ущербному состоянию, в котором он сейчас находится.

Прежде всего, неблагоприятно с академической стороны: программы полноты к государственным, но полноты не до конца. Преподавательский состав необычайно текуч и во многом оставляет желать лучшего. Союз не употребил своего авторитета и влияния на то, чтобы хотя бы по основным литературным дисциплинам закрепить за своим вузом лучшие в Москве силы. Наконец, то внешнее обстоятельство, что по милости союза уже два года тянется волокита со включением вуза в государственный титульный список, — действует на студентов самым разлагающим образом.

Что касается творческой стороны литературного вуза, то с ней тоже далеко не все благополучно. Этот факт ни в какой мере не приходится замалчивать. Да, с творческой стороны нынешний состав литературного вуза в значительной степени не удовлетворяет необходимым требованиям. Да, набор в вуз протекал зачастую безобразно, вуз засорялся и до сих пор засорен людьми, творческий уровень которых, вернее, отсутствие всякого творческого уровня, не давало и не дает им права иметь какое бы то ни было отношение к вузу.

Все это так, но что это доказывает? Неужели сгодится в Советском Союзе не найдется пятидесяти способных молодых людей, стремящихся работать в литературе, чтобы комплектовать ими единственный в СССР литературный творческий вуз?

Неужели не ясно, что сверные разговорики о том, что, дескать, нужно прикрывать этот вуз, потому что, где же найти столько способной молодежи, чтобы он был на высоте положения, — что эти разговорчики, которыми одни занимаются по недомыслию, а другие — из скверного обаяния, имеют своим общим истоком недоверие к творческим силам народа, недоверие к тому, что литература все больше становится огромным общенародным делом?

Между тем сейчас в литературном вузе, с легкой руки союза писателей, созданы условия ненормальные, приводящие к тому, что действительный состав студентов часто слаб в творческом отношении и

встретится со студентами в ближайшем

дню). Мы называем пока только четыре эти имени, но насколько не сомневался в том, что чем скорее руководство союза перейдет от полноты дискредитации и вытеснения института к полноте внимания и поддержке, его тем больше писательских имен будет связано с именем литвуза.

Необходимо, чтобы союз писателей, наконец, отнесся серьезно к подбору институтского руководства. Пора понять, что во главе единственного Литературного института должны стоять люди, облеченные полным доверием писательской общественности и популярными среди молодежи. Не мифическое общее руководство отделом молодежи должны осуществлять наши крупные писатели, а повседневное деловое руководство творческим вузом. Неужели писатели не смогут и не захотят найти в своей среде двух-трех людей, готовых отдать часть своих сил и времени руководству делом воспитания писательской молодежи?

Что нам представляется необходимым для того, чтобы литвуза стал полноценным, хорошим учебным заведением?

Во-первых, Литинститут действительно должен стать всеобщим: для этого немедленно, к ближайшему же набору, надо создать общежитие для людей, приезжающих с периферии.

Во-вторых, Литинститут должен быть, наконец, включен в титульный список и стать полноправным советским вузом.

В-третьих, при непосредственном содействии союза писателей должен быть всемерно укреплен профессорский состав.

В-четвертых, в самой разнообразной творческой работе в литвузе должен быть привлечен ряд наших крупных писателей.

В-пятых, при новом наборе должны быть повышены критерии приема, и самый набор организован широко, с осознанием в печати и с участием писателей в работе творчества поступающих.

И, наконец, институт должен быть решительно очищен от людей, никак не проявивших себя творчески, и в то же время не желающих как следует учиться, не желающих стать полезными литературными работниками.

При осуществлении всех этих условий литературный вуз Союза ССР станет тем, чем он и должен быть, — полнокровным и хорошим советским вузом воспитывающим необходимые стране кадры.

Вера СМЕРНОВА

Двойная победа

О детских книжках Льва Квитко

В двух небольших зеленых книжках, среди множества цветных и черных рисунков, живет маленький человек. Нигде не сказано, сколько ему лет, на некоторых страницах он выглядит совсем малышом, на других — он постарше, во всяком случае похоже на то, что он еще не ходит в школу. Но на каждом развороте совершенно отчетливо видно, что этому маленькому человеку хорошо жить на свете. Каждый день приносит ему что-то интересное, какому-нибудь потрясающему новостям.

Утром он просыпается — «и видит: стоит замечательный конь». Никто не слышал как и откуда он появился — «и как ухитрился взобраться на стол». Но еще удивительнее, что сосед, которому мальчик непременно хочет показать коня, уверяет, что он давно уже видел этого коня:

— Я видел его.
Четыре ноги
У коня твоего.

И даже больше того: «Два глаза и хвост у коня твоего». Мальчик ошеломлен: в самом деле, у коня четыре ноги, два глаза и хвост — все верно. Но ведь конь появился только ночью, дверь заперта, и сосед не видит коня. Откуда же он знает о коне такие изумительные подробности? И мальчик стоит и думает над этой первой смешной загадкой жизни.

Этот мальчик в очень хороших отношениях со своей мамой и, убавляя ее, рассказывает ей всякие чудеса: как сын ее отпрыска в лес и мерялся силой с большим и малыши зверями, как он плавал по океану и сражался с морскими чудовищами. И каждый раз, когда ему приходится плохо, когда опасность ему угрожает, «кто-то» знает об этом и забывает о нем и посылает ему на выручку то мощный танк, то «веселую птицу» — большой гидроплан.

И снижалась птица со мною
Перед кремлевской стеною.
... Настежь открыты ворота Кремля.
Кто-то выходит из этих ворот,
Кто-то меня осторожно берет,
И поднимает, как палец, меня,
И обнимает, как палец, меня,
И сразу мне весело стало!
... А кто это был?
Угадай?

В этом месте и сам рассказчик и каждый маленький читатель с гордостью и с торжеством кричат, не дожидаясь ответа матери: «Это Сталин!».

Маленький человек, живущий в книжке Квитко, — наш советский счастливый ребенок. Именно потому, что он счастливый, он сохранил в себе все детские черты.

Он умеет делать чудочки, у него есть кошечка, в которой мама не видит никакого прома, потому что кошечка совсем не хочет ловить мышей, но мальчику она все-таки нравится.

Ему хочется запречь бездельный ветер в какую-то свою машину, он знает, что большая лошадь вырастает из маленького зернышка, он любит варенье и яблоки, но еще больше любит лошадей. Он самый обыкновенный мальчик дошкольного возраста. Но все же он — не мы с вами в детстве, и не сам Квитко — сын бедного местечкового сапожника: этот мальчик — маленький советский гражданин.

Он знает, что
... фашисты
Завладевали войну,
Хотят они разграбить
Советскую страну.

И вот он пишет письмо Ворошилову — народному комиссару, пишет запросто, товарищески и смело рекомендует ему своего старшего брата.

Товарищ Ворошилов,
Поверь, ты будешь рад,
Когда к тебе на службу
Придет мой старший брат.

Это не хвастовство, мальчик знает, что брат его был лучшим излучением на заводе, что он метко стреляет и его смело можно назначить в отряд партизан.

Товарищ Ворошилов,
Я его люблю,
Товарищ Ворошилов,
Верь ему в бок.

Такую уверенность и такое чувство собственного достоинства носит в своем сердце только советский ребенок — и он дает торжественное обещание: если на войне погибнет брат,

Товарищ Ворошилов,
Я быстро расту
И стану вместо брата
С винтовкой на посту.

Маленького советского человека, такого сознательного, уверенного в себе и в других и потому не знающего страха, окружает в книжке Квитко целый мир. Это не тот искусственный «детский мир», изолированный и условный, который с давних пор при-

нато показывать в детских книжках, — это все большая наша советская жизнь.

На каждой странице книг Квитко «что-нибудь случается», как говорят дети, каждое стихотворение можно рассказать; в сущности, каждое — есть новелла.

Но все эти маленькие новеллы написаны лириком, и все в них просвечено и согрето мягким ласковым юмором. Впрочем, автор нигде не выступает на первый план и не говорит сам: мир здесь дан с точки зрения главного героя — ребенка. Читатель все время слышит голос ребенка, его характерные детские интонации. Даже на чисто лирических страницах, где только картинка природы, мы видим навывне и живые детали, подмеченные ребенком. «Промокли собаки и просрета в дом» — вот очаровательная, детская примета осеннего дождливого дня. Великолепное стихотворение «Осеню» (во второй книге) наполнено детским ощущением осени. Для ребенка все живо в природе:

Деревья горбятся, кричат,
Трясутся с головы до пят!
— Мы б разбежались все сейчас,
Да по одной ноге у нас.

И отношение людей ко всему в природе должно быть человеческое

Несут рогожи и мешки —
Деревья на зиму чулки.
Полам тепло, одели всех,
А головы укроет снег.

Как крестьянин к хлебу, Квитко очень бережно относится к слову, слово для него не игрушка. В нашей детской литературе есть любители называть басей, есть искусные жонглеры. Стихи Квитко не имеют ничего общего ни с дамским рукоделием, ни с цирком. В противоположность писателям, для которых слово существует, чтобы скрывать отсутствие мыслей, у Квитко всегда есть что сказать, и если иногда он многословен для лирического стихотворения («Колос», «Вырасту», «Здрав»), то это не от бедности мысли. У него случаются длинноты, но не бывает пустот.

Большинство ваших стихов для детей имеет «страшно-педагогический» характер. Авторы «выступают» перед детьми с целью их поучить или поучить. В книжке Квитко сама жизнь развлекает и учит, смекает и заставляет задумываться. Единственная педагогическая тенденция Квитко: он хочет сделать маленького человека полноценным человеком. В этом у него много предшественников в прозе и нет соперников в советской поэзии.

Книжки как люди: есть много таких, для которых не найдешь точнее и лучше голевского определения: «ни то ни се, ни в городе Богдан, ни в селе Седьфан». В особенности это приложимо к детской литературе.

Оттого ли, что педагогически считают эту область литературы своей точкой и задают писателям «сочинения» на тему («и ставит потом им отметки»), оттого ли, что самим детским писателям старается писать «по указанию» по повелению, — во всяком случае часто книги выходят посредственными и существуют где-то посредине между литературой и макулатурой.

А так как все в этих книжках неустойчиво, неопределенно, безобразно, — вокруг них на года в год ведутся нудные, псевдоинтересные и ложнокритические споры о том, «что нужно и можно детям, какой должна быть детская книжка» и т. д. и т. п.

Но стоит только из недр Детлагада появиться книге, в которой горит и бьется настоящая живая жизнь и в которой все слова и знаки расставлены по законам искусства и по воле автора, как мгновенно стихают все эти разговоры.

Книга «доходит» до всех — до детей и до взрослых, до больших и маленьких, — зачем же говорить, о чем спорить?

А между тем именно об этих книжках хочется говорить, потому что они — на уровне нашего времени и на уровне искусства.

Лев Квитко — еврейский писатель, у которого десять лет назад был уже «обманный томик стихов для детей. Вот уже пять лет как Квитко «открыл» русским детским писателям. В токи к русским детям (первая книга Квитко на русском языке так и называется «В токи») еврейского поэта привели Маршак, Уланов, Светлов, Михалков, Колчугин, Сидоренко, Валигина, Спендиарова — можно назвать круглые числа видных советских поэтов («детских» и «взрослых»), которые усложнили его переводы. Наше детское издательство не может, к сожалению, похвастаться обилием переводов книг Квитко — двойная победа: советской национальной поэзии и советской поэзии.

«Проходите товарищи!» — кричал он им сверху... Что взяли, чирты вы ляхи? Думаете, есть что-нибудь на свете, чего бы побоялся козак?.. А уже огонь подымался над костром, захватывая его ноги и разостлавшая пламенем по дереву...
Иллюстрация художников Курныриных к повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба».

«Оксана долго еще принаряжалась и жеманилась перед небольшим, в оловянных рамках, зеркалом и не могла налюбоваться собою... «Чудная девка!» — прошептала восторженный тихий кузнец.
Иллюстрация художников Курныриных к повести Н. В. Гоголя «Ночь перед рождеством».

В Детиздате выходит собрание сочинений Н. В. Гоголя с иллюстрациями Курныриных.

Карандаш редактора

С. БОНДАРИН

Издавна авторам известно чувство сопротивления редактору карандашу. Существует версия о вражде редактора и писателя.

Бывает, конечно, что жажда увидеть свое произведение напечатанным сильнее благородия и таланта, но, как правило, средний редактор думает уже и более робко, чем средний писатель.

Сенковский, известный во времена Пушкина редактор, говорил, что всякое произведение надобно «выглаживать и выглаживать». Иначе смотрел на дело Пушкин, ставший редактором. Он избегал дотошного, придирчивого вмешательства в работу своих авторов. Думая так, он сумел, однако, вложить Гоголя на «Ревизора» и «Мертвые души».

Первым редактором Достоевского был Некрасов, Чехова — Григорьев, Горького — Короленько.

На наших глазах Горький продолжил классическую линию редакторов русской литературы.

Горький умел читать, будучи при этом редактором, и быть редактором, оставаясь читателем. Горький был первым редактором Бабеля, Евсеевлю Иванова. Мы знаем, с какой готовностью, жадностью и усердием он читал каждую рукопись или книгу и как много благодаря этому он видел в прочитанном. Каждая рукопись была для него чтением гораздо большего, чем только то, что написано на страницах. Мне кажется, что и нужно назвать методом Горького.

Культура, знание жизни, знание целей — три свойства проступают во всех словах и делах этого необыкновенного редактора.

Не упуская из виду общего плана и значения вещи, Горький умел попутно делать короткие, точные и тонкие замечания по композиции, стилю, фактам. Теперь мы так и говорим: «горьковские замечания», имея в виду замечания, которые не забывал он ставить в наших рукописях.

Мы знаем, что Горький не любил скобок и, как правило, замарывал их в рукописи. Но эта небрежность, на первый взгляд кажущаяся мелочной придиркой, объясняется требованием прямой, ясной, точной и ясной речи. В его суждениях скрывается всегда забота о том, чтобы язык искусства был широко понятен, и он не устал обращать на это внимание литераторов.

«... учиться... надобно не на мнениях о фактах, а — на фактах. Иными словами: учиться искусству следует не на суждениях об искусстве, а на самом искусстве», — так писал Горький в письме к И. Львову в 1928 году. Рекомендую тут же учиться технике письма у Флора и Мопассана, Лескова, Толстого, Пришвина, он предостерегает: не поддавайтесь идеологии этих писателей: «... идеологи вы должны создать свою, — пишет он, — из материала Вашего, опыта

Вашего: это так, а это не так, этого хочу, а этого не хочу».

Трудно сказать более просто и исчерпывающе. А сказано это, между прочим, в двух-трех строках, в письмах, адресованных поровну почти неизвестным людям.

В фильме «Последний раб» есть сцена: колхозник учит цыгана косябе. Колхозник подошел к цыгану, они стали рядом, и вот идет душа в душу, вот цыган уже оторвался, замазал сам, так и светит труду...

«Вот так и надо учить человека, — сказал мой сосед, глядя на эту сцену. — Вот колхозник и послал цыгана на землю».

Хороший редактор подобен этому колхознику. Горький в высокой степени обладал способностью разжечь и направить каждого, этого же жала.

Обращает на себя внимание еще одна особенность горьковского карандаша — спокойствие и корректность.

Однажды он прочитал мою рукопись, в которой было несколько рассказов, связанных общей темой. На страницах рукописи он сделал пометки, которые как бы вели к заключению на последней странице: «Этот рассказ — лучшее из всего рассказанного на 71 странице...». А на обложке рукописи написал лишь одно слово: «черновики».

Прежде, чем эта рукопись попала к Горькому, я переписывал ее не раз, но вся система горьковских пометок и указаний позволила мне обнаружить мои ошибки, и я согласился я понял, что действительно это — все еще черновики.

Когда через некоторое время я подготовил эти рассказы к печати, моего редактора в Гослитиздате заинтересовало следующее: на первой странице рукописи четыре фразы подражали началу с красной строки — Почему с красной строки? — удивлялся редактор.

Раговор на эту тему, в котором ярился чувствовалась надобность, оставил меня смущиться. Я настаивал, и в самом деле мне не раз мой редактор оттачивал свой карандаш для стучек, подобных этой. Вот несколько примеров:

Юноша-бетонщик рассказывает историю своего детства и вспоминает при этом, как к нему пришла тетка, чтобы забрать мальчика из деревни к себе. У нее, как выражаются бетонщики, «была богатая обстановка в Кремлечуге».

Редактор мне говорит: — Знаете, я это вычеркнул: «богатая обстановка». Лучше без этого.

Редактор испугало слово «богатство».

В 80-х годах прошлого века едет на вокзал некий помещик Пашков, незначительный персонаж повести. Редактор находит, что спокойнее, если это будет не помещик, а доктор:

— Пускай это будет доктор, — говорит он. — И хорошо, чтобы в его фамилии была буква «л».

Почему «л» — не могу понять до сих пор.

Корзины, в которые решили бы собрать подобные примеры, затрясет от изобилия. Не думаю, что мне в этом отношении особенно повезло. Одна литератор пришла к издательству «Советский писатель» с предложением — писать повесть о предположимом авторе «Слова о полку Игореве». В издательстве его спросили:

— А этот герой повести будет современным или нет?

Далеко не всегда автор может себе представить художественное возвращение своего редактора. Вкус некоторых наших редакторов не на высоте. Знаний у них не всегда достаточно, и — знания жизни и знания своего дела; нередко редактор плохо владеет языком. Об одном редакторе, работавшем в Детиздате, рассказывали, что, прочитав рукопись, он сообщил автору: «Вот тут, в начале, у вас ничего себе, а к концу слабеет».

Удивительно ли после всего этого, что редактор не заслуживает такого доверия, какое мы испытывали к карандашу Горького. Разумеется, немногие из нас могут выдержать это сравнение, но все-таки нужно и оныт и готовность отдать свою судьбу делу литературы.

Редакторов много ругают, но и о каждом примере заблудливой, умной редактору среди литераторов говорят с благодарностью. Мы знаем, например, отзывы писателей о их редакторе тов. Лукине.

Естественная радость, когда находишь что-нибудь новое для себя, что-либо из ряда вон выходящее. Радовался этому и Горький. Но именно этого-то и боится многие редакторы.

Много ли можно назвать случаев, когда бы редактор отставив, борясь, воевал за рукопись, а потом — за книгу, уже появившуюся? Нет, совсем не много! Обратное наблюдается чаще, но не всегда это бывает принципиально и справедливо.

Судьбы книг не должны уподобляться судьбам болезненных детей: вышугали на улицу, не застегнул воротника — жди беды. Не подпускай к форточке! Капризные и коварные ветерки подстерегают тебя повсюду...

Детская мечта человека об умном, смежном и справедливым учителе не угасает и в зрелые годы, за рабочим столом. Таким учителем был Горький, о его красном карандаше вспоминаешь с изумлением и благодарностью.

Таким же самостоятельным произведением «отточковалась» тема комсомола во флоте, как одна из составных сил роста Красного Флота. Размеры романа не дают возможности остановиться на этом наиболее расцветшем периоде в истории Красного Флота. Кронштадт 1922 года — кладбище кораблей, разрушенных воемью годами двух врагов и одной авиации, тьярки, рязанцы, сибиряки, кавказцы, пришедшие во флот по призыву комсомола, романтический порыв, наткнувшийся на суровую действительность. Тяжелая работа по восстановлению корабля, ироническое отношение к «шефскому подарку» со стороны части комсомоста и оставшихся во флоте воинов моряков типа «кронштадтских Жоржиков», преисполненность старых балтийских традиций, героизм комсомольцев, молодая мечта о могучем Красном Флоте — и все это в проекции на сегодняшний день, на осуществившуюся эту мечту — вот тема сценария для Союздетфильма, который мы слаем в июле вместе с Львом Соскилем.

Эту же тему — о большом морском флоте — мне хочется решить в пьесе. Здесь на фоне прихода комсомольцев на флот,

Лион ФЕЙХТВАНГЕР

Тема войны и смерти

«В школе нам часто приходилось писать сочинения, в которых мы должны были описывать события с различных точек зрения». Это означало, что мы должны были вести рассказ с точки зрения различных участников излагавших событий. Однажды нам пришлось описать таким образом взятие Сагунта римлянами. И одному из нас, самому сильноному моему сопернику, пришла в голову мысль затратить одною из осадительных в девять штук в погреб. Из этого погреб он, вполне естественно, не мог наблюдать взятие города и вынес на особенно много впечатлений. Описание у него получилось весьма скудное, и мне не стоило большого труда победить моего соперника.

Этот случай из времен моей юности я невольно вспомнил, прочитав теперь книгу Артура Кестлера «Испанское завещание» (изд-во «Европа», Париж).

Как плохо пришлось бы мне тогда, если бы мой соперник обладал таким же даром художественного изображения, как Артур Кестлер.

Артур Кестлер описывает события в Испании, наблюдая их из испанской тюрьмы, в которой просидел несколько месяцев, ожидая смерти. Жизнь осужденного в тюремной камере, теоретически говоря, однообразна, монотонна, во всяком случае гораздо более бесцветна, чем жизнь корреспондента, журналиста, который на свободе наблюдает военные события. И однако трудно себе представить что-либо более волнующее, чем эти двести короче страниц тюремных впечатлений и переживаний. И такое поразительное то, что в этой книге, возникшей в недрах тюрьмы, особая, специфическая атмосфера испанской войны чувствуется сильнее, чем в сотнях корреспонденций журналистов, разгуливающих на свободе.

Каковы отличительные особенности, присущие журналисту крупного масштаба? Он должен уметь видеть, он должен уметь переживать, он должен уметь описывать различные и пережить. Эти три свойства являются объединены в одном человеке. Они объединены в Кестлере. У него врожденное умение видеть, он чуток к страданиям других и к своему собственному страданию, у него острый, систематизирующий ум, способный отделить значительное от незначительного, он прошел школу лучшего из учителей систематизации явлений нашего мира, Карла Маркса. И он обладает способностью ясно передавать свои переживания и наблюдения, располагать крупные и мелкие явления так, что они отбрасывают друг на друга правильный свет и правильные тени. Да, вот мой единственный упрек, хотя в сущности, это совсем не упрек, — его художественное изображение производит иногда слишком сильное впечатление.

Вся книга пронизана особым колоритом, какой прилетает ей испанские события и страстное сочувствие автора войне малых и оскорбленных. В книге сотни мелких наблюдений, которых нет у других авторов и которые раскрывают перед нами душу испанцев, этих простых и вместе с тем столь сложных людей. С трудом удерживаюсь и от соблазна привести здесь некоторые из этих наблюдений. Я удерживаюсь от этого потому, что хочу, чтобы читатели не удовольствовались только несколькими красочными образами, а прочли всю книгу.

Испанские события, как я сказал, придают книге ее колорит. Содержание же книги — это ожидание смерти. У автора была возможность очень тщательно, в течение нескольких месяцев изучать на самом себе и на других чувство ожидания смерти на всех его этапах. Существует чрезвычайно много теоретических и практических исследований об умирании и о смерти. — Кестлер правильно различает эти два понятия — существование и ожидание, о том, как следует умирать, от правды слов до приказа Фридриха Великого смертельно раненому каледу: «Мри достойно». Но редко, вернее никогда, не встречал я такого проникновенного, напряженного, волнующего и такого близкого нашим дням описания ожидания смерти.

Испанские события касаются всех нас. Тема войны и смерти, к сожалению, очень близка для всех нас тема. Кто хочет узнать об этом то, чего ни, наверное еще не знает, и притом в новой, волнующей форме, тот пусть прочтет «Испанское завещание» Артура Кестлера.

Леонид СОБОЛЕВ

На призыв командиров

В первоначальном плане «Напильный ремонт» мыслился мною, как большая эпопея, охватывавшая период от заката империалистической войны до наших дней. В соответствии с этим материал разбивался на три тома: царский флот, период от Февральской революции до Брестского мира и восстановительный период.

Таким образом, в плане романа отсутствовала тема империалистической войны. Но письма читателей и многочисленные беседы с ними убедили меня в том, что война должна быть введена в роман, и введена большой — самостоятельной — темой.

Эта необходимость диктуется главным образом тем, что первый том оставляет впечатление абсолютной небеспособности царского флота. Однако это не совсем так. Здесь заложено благоприятное и сложное диалектическое единство противоположностей.

фундамент будущих героических матросских отрядов, здесь таились корни будущей героики речных флотилий.

Вместе с этим, и переходной состав флотского офицера делал, что мог, в противовес рутине генерального штаба. Так была создана после Цусимы наша русская теория артиллерийской стрельбы. Так расцвело у нас миное дело, которому в течение всей войны учились у нас англичане. Так в короткий срок, на голом месте была создана в Балтике служба наблюдения и связи, блестяще поставленная радиолое и расшифровка германских кодов (не будем забывать, что о выходе германского флота в устье Ютландского боя английское адмиралтейство получило сведения от нас!).

Все это оказалось необходимым осветить в романе, чтобы понять в дальнейшем его томах причины, по которым к началу Октябрьской революции пролетариат имел уже созданные, сплоченные кадры Красного Флота, изумившие мир победами над сильнейшими и подавляющим потоком интервентов всех мастей. Именно в германской войне зарождалась будущие командеры и флагманы в чечерах и коммандорах царского флота. Именно здесь, в содружестве боевой страды вместе с матросами рождалась и лучшей части морского офицера те предпосылки, которые впоследствии определили собой их поведение в 1919 году, вызвавшее известный отзыв товарища Сталина:

«...Столь же отрадно, что ява русского офицера — его продолжателем — менее всего залеза командный состав флота: нашлись все же люди, которые, в чести своей, достоинство и независимость России несли выше, чем английское золото».

В первом томе романа из этого единства противоположностей — флот боепо-

собный и, одновременно, флот обреченный — я намеренно взял лишь одну сторону. Теперь приходится решать художественными средствами вторую его сторону. А это не так просто: приходится отыскивать боевые эпизоды, не отмеченные в жалкой «Истории моря» (1914—1918 гг. в Балтийском море) (вторую, пригнорбленную академических пайка, купали в 1928 году бывшие адмиралы пресловутого «Морского» — исторической комиссии). Приходится по-новому смотреть на изобретательскую работу лучших флотских умов, на идеи адмирала Осенна об активных минных постановках, шедшую в разрез с отживающейся стратегией генерального штаба. Материал тугой, быстрой обработке не поддающийся.

Совершенно иначе, в свете указаний тт. Сталина, Кирова и Жданова по истории паролот СССР, встал для меня и вопрос о преемственности традиции русского флота. Корни Красного Флота уходят к героической обороне Севастополя, к Чесме, к Синопу и Наварину.

И — наиболее трудное и главное — все эти большие философские и исторические линии надо свести в личную судьбу героев романа, найти место моих людей в мощном движении истории.

Надо обязательно показать путь Кудрина от запального матроса, рабочего Путиловского завода, до флагмана советского флота. Путь этот лежит через утюгоферную страду германской войны, через связь с петербургским комитетом РСДРП, через революционную линию во время войны и порыв активную защиту советской России во времена интервенции, через комиссарство, через Военно-морскую академию, — в постоянной и непримиримой борьбе с меньшевиками, эсрами, троцкистами, с реакционными представителями офицера.

Судьба Тильманкова предрешена еще в первом томе. Этот полусер, полуазиат, вечная палка в революционном колесе, есть тоньше и хитрее смыкается с врагами и пакостит до конца романа. Это — антипода Кудрина, но по-своему проходит тот же путь большевика.

Морозов, инженер-механик, представляющий худшей части интеллигенции — горюю и не способный к действию львовид, возмущая в комитетский период флота видное политическое положение, спотыкается о Брестский мир, находит сплех единомышленников в лагере троцкистов. На него ложится посорная заплата — представлять собой изменника на самых верхах управления флотом.

Его противоположность является Тищенко, то же интеллигент, студент-революционер, но прошедший свой путь в организационной связи с большевиками Кудриным и Волковым. Сейчас не к месту сообщать как, — но он еще во время войны стал морским офицером и всю свою работу ведет в окружении бывших офицеров, силой истории оставшихся в рядах Красного Флота.

Таковы в грубой схеме пути основных персонажей. Жизнь действительность, которую я пытаюсь воплотить в романе, может изменить эти пути. Настоящее произведение искусства заключается в реальности созданных фигур. А эта реальность, прежде всего — результат взаимодействия авторского замысла и жизненного материала. Роман пишется мною не в последовательном порядке, страницы за страницей. Он создается кусками, тема которых в данный момент волнует меня. Так в роман вошли куски о Военно-морской академии, не предусмотренные основным планом. Так сейчас, в свете последнего процесса, возмущают эпизоды полной борьбы против революции, против Ленина и Сталина, которую еще в самом начале революции вел троцкистский шпион. Эти выпавшие эпизоды в последующем находят свое место в романе, там, где они органически укладываются. Именно поэтому я не печатаю отрывков: каждый из них в общей тка-

ни романа играет совершенно иначе, чем в отрыве от него.

Не вмещаая в роман (нельзя же затронуть в нем решительно все проблемы истории кадров Красного Флота), эти отдельные темы отрываюся порой в самостоятельные произведения. Так возникла, например, тема «Академики», которая является как бы младшей ветвью романа. Герои в ней другие, но воодух, тема, сущность — те же. Герои книги — академики, матросы, прошедшие боевую командирскую школу гражданской войны; солдаты — борьба ввернуть их за борты флота, процесс переживания некоторых флотских «сдетелей», отброшенных силой истории в лагерь врагов благодаря однажды допущенной ошибке.

Таким же самостоятельным произведением «отточковалась» тема комсомола во флоте, как одна из составных сил роста Красного Флота. Размеры романа не дают возможности остановиться на этом наиболее расцветшем периоде в истории Красного Флота. Кронштадт 1922 года — кладбище кораблей, разрушенных воемью годами двух врагов и одной авиации, тьярки, рязанцы, сибиряки, кавказцы, пришедшие во флот по призыву комсомола, романтический порыв, наткнувшийся на суровую действительность. Тяжелая работа по восстановлению корабля, ироническое отношение к «шефскому подарку» со стороны части комсомоста и оставшихся во флоте воинов моряков типа «кронштадтских Жоржиков», преисполненность старых балтийских традиций, героизм комсомольцев, молодая мечта о могучем Красном Флоте — и все это в проекции на сегодняшний день, на осуществившуюся эту мечту — вот тема сценария для Союздетфильма, который мы слаем в июле вместе с Львом Соскилем.

Эту же тему — о большом морском флоте — мне хочется решить в пьесе. Здесь на фоне прихода комсомольцев на флот,

на фоне их героической работы по восстановлению корабля, очень резко прозвучит попытка реакционно настроенных «специалистов», невеждо для себя идущих на поводу у троцкистских шпионов, продать восстановливаемый корабль на слом в Германию.

Тема командира, тема воспитанных страна кадров Красного Флота нашла свое отражение в подготавливаемом мною в печати книге рассказов. Сюда входят тринадцать рассказов о молодых командирах Красного Флота.

В задержке романа не малую роль сыграла моя двухлетняя работа в качестве редактора-составителя «Антологии казахской поэзии и прозы». Это будет большой сборник казахских былин, богатых русских поэм, стихов и прозы писателей XIX и XX веков, объем сборника — 40 печатных листов.

Антология, наконец, закончена, и в мае я отправляюсь на Балтийский флот, в основном для работы над фильмом, сдав предварительно в печать книгу рассказов.

Обращение командиров РККА к писателям, опубликованное в «Литературной газете», заканчивается дружеским напоминанием, в котором сказано: «Весь такт командира РККА и способность его смотреть на вещи глубоко: «Мы не торожим вас, товарищи писатели. Вас торопит время».

Именно поэтому я считаю правильным параллельную работу над романом и над перечисленными выше сценарием, пьесой и книгой рассказов.

Роман — это дело всей жизни. Торопит его — знает его испортить. Но если сценарием, пьесой и книгой рассказов я отвечу к осени на призыв командиров, призыв своевременный, лучший и полный дружеской тревоги, и буду считать, что понял их правильно

В стороне от политической жизни

На Пушкинской выставке в Москве можно было убедиться, как велик интерес нашего народа к русской литературе. Ибо дня в день тысячи людей проходили через просторные залы Исторического музея, изучая жизнь и творчество величайшего русского поэта. С благоговением всматривались они в пожелтевшие страницы рукописей, в первоиздания пушкинских произведений. Они прочитывали документы, скрепленные сургучом казенных печатей. Со стен смотрели на них портреты современников поэта — его друзей и врагов. Пушкинская выставка, собравшая множество редчайших бесценных реликвий, ярких документов эпохи, разноразмерный и обширный материал, по-новому раскрывающий образ Пушкина, обогатила и обогащает знания советских граждан, непрерывным потоком приходящих в этот подлинно народный дворец русской культуры.

Пушкинский юбилей 1937 года показал, что история литературы не является делом узкой группы одних лишь исследователей. В Ленинграде существует в течение многих лет большой музей Института литературы Академии наук, располагающий сокровищами русской культуры и множеством замечательных уникальных материалов.

Удовлетворяет ли этот музей культурным и политическим задачам, перед ним поставленным жизнью?

Музей отображает развитие русской литературы от Пушкина до Горького, иными словами — до наших дней. Большое внимание уделяется первым годам, посвященные Пушкину и его эпохе. Хотя множество чрезвычайно интересных экспонатов передано Пушкинской выставке в Москве, отсюда все же значительно и содержание. Работники музея уделяли ему должное внимание, тщательно продумали экспозицию, экономно использовали каждый сантиметр щитов и витрин. Здесь можно изучать Пушкина и пушкинскую эпоху.

Но отдел, посвященный великому пролетарскому писателю Горькому, организован неудовлетворительно.

Какие огромные возможности открывались перед музейными работниками — пропагандистами горьковского творчества! Замечательная жизнь Горького — первого классика социалистической литературы, друга и соратника Ленина и Сталина, неустрашимого борца против фашистского варварства, учителя и воспитателя поколений советских писателей, величайшего мастера мировой культуры. Как равнодушно и хладнокровно отобразили эту великую жизнь в стенах Литературного музея! Можно было бы идти от щита к щиту, от витрины к витрине и говорить о непродуманности каждой отдельной экспозиции, о крупных пробелах в каждом разделе (очевидно, это связано с общим состоянием разработки горьковского наследия в Институте литературы). Но сейчас мы считаем себя обязанными говорить о главном.

Литературный музей обошел молчанием такую тему, как «Горький и партия». Горький навсегда соединил свою жизнь с партией рабочего класса, с партией Ленина —

Сталина. В особом, центральном, разделе горьковского зала должны были быть выложены высказывания Ленина о Горьком, высказывания Сталина о Горьком, нет даже замечательных строк товарища Сталина о поэме «Девушка и смерть», высказывания Горького о вождях трудового человечества — Ленине и Сталине.

В музее отсутствуют пока борьба Горького с фашизмом. Великий Горький погиб на передовых позициях борьбы за дело всего советского и прогрессивного человечества. Советская разведка разоблачила подлую фашистскую банду убийц Горького, Менжинского, Кутубишева, Кирова. Гневом и ненавистью переполнены сердца миллионов. А в музее сочли возможным буквально в трех строчках исчерпать эту тему, возмущающую каждого советского гражданина.

Что это — особая академическая аполитичность или обыкновенная политическая тупость? Так или иначе — случайностью объяснить этого нельзя.

Характерно, что руководители Литературного музея за 8 лет, прошедших со дня смерти лучшего, талантливейшего поэта советской эпохи — Владимира Маяковского, не удосужились подготовить отдел, посвященный творчеству великого поэта революции. Даже портрета Маяковского мы не нашли в залах музея.

Совершенно неудовлетворительно представлен в музее гениальный русский сатирик Салтыков-Щедрин.

Что собой представляет этот важнейший раздел?

В витрине, напоминающей прилавок книжного магазина, разложено некоторое количество изданий Щедрина. Вот и все. Исключительная бедность содержания и оформления этого раздела едва ли может заинтересовать посетителя.

Продолжая ту же «методологическую линию», руководители музея считают возможным даже не упомянуть об образах Гоголя в трудах Ленина и Сталина, несмотря на то, что галерея сатирических персонажей Гоголя занимает у Ленина второе место (после Салтыкова-Щедрина) и образы Гоголя приобрели сейчас для миллионов новое, современное содержание, прозвучав на весь мир в речах товарища Сталина.

Ничего не рассказывает Литературный музей и об использовании Лениным и Сталиным образ Чехова. Впрочем, судя по музейной экспозиции, такого писателя — Чехова — вообще в истории русской литературы не существует. В музее русской литературы нет чеховского отдела!

Все это — грубые политические ошибки, которые необходимо немедленно исправить. В нашей стране не может быть музея, оторванного от политической жизни, забывающего о своих политических задачах. Под этим углом зрения музей Института литературы Академии наук СССР следует пересмотреть все свои экспозиции.

В. СЕРГЕЕВ

На выставке, правда, есть маленькая витрина, озаглавленная «Ленин и Горький», но она подобрана чрезвычайно плохо.

Накануне празднования 750-летия «Слова о полку Игореве»

Программа юбилейных торжеств

Юбилейная комиссия при союзе советских писателей окончательно утвердила программу юбилейных торжеств.

24 мая в Зеленом театре Центрального парка культуры и отдыха состоится собрание трудящихся Москвы, 25 мая в Колонном зале Дома союзов намечено провести торжественное заседание союза советских писателей, Академии наук СССР, Института мировой литературы им. Горького и Гослитмузея.

6 мая делегация писателей выезжает в Путьяль и Новгород-Северский. Здесь предполагается устроить встречу с писателями Украины, организовать лекции, доклады, вечера.

22—23 мая Институт мировой литературы им. Горького устраивает специальную

сеанс, посвященную «Слову о полку Игореве».

На выставке, открываемой в Гослитмузее, будут экспонированы наиболее ценные документы, рукописи, рисунки.

Большой интерес должна представить инсценировка «Слова». Такая попытка была сделана еще до революции драматическими курсами артистки Московского Художественного театра С. В. Халютной (ныне заслуженной артистки РСФСР, попрежнему работающей в МХАТ).

Советские поэты дали ряд новых переводов гениального произведения. Будет очень хорошо, если наши театры осуществят на советской сцене постановку «Слова о полку Игореве».

Иван НОВИКОВ

Пушкин и «Слово о полку Игореве»

Обычно при сопоставлении имени Пушкина со «Словом о полку Игореве» вспоминается его замечательная работа над переводом «Слова» Жуковского и пометки на книге Вельтмана.

Работа эта представляет исключительный интерес и еще ждет специального и углубленного исследования. Во всей этой сложной партитуре значков и пометок как бы зашифрован творческий-исследовательский путь Пушкина. Вскрытие его одновременно обогатило бы нас новым знанием и восприятием Пушкина и существенно восполнило бы историю «Слова». Эта встреча гениального поэта с гениальной древней поэмой — одна из интереснейших встреч в истории русской культуры.

Но отношение Пушкина к «Слову» не исчерпывается его работой над ним в последние годы жизни. Можно сказать, что «Слово о полку Игореве», столь высоко ценяемое Пушкинами, сопутствовало ему всю его жизнь.

Оживленные литературные разговоры и споры о «Слове» несомненно находили свое отражение и в семье Пушкиных, близких к Карамзиным. Директором лицея был В. Ф. Малиновский, родной брат одного из первых редакторов «Слова» — А. Ф. Малиновского. Грудно представить себе, чтобы «Слово», возбудившее столько шума в литературных кругах, не поминилось в беседах директора с мальчиками-лицейскими.

В 1817 г. умер редактор «Слова» А. Ф. Малиновский, и может быть в связи с этой смертью Жуковский начинает свою большую работу над переводом «Слова». Конечно, при том исключительном близком к живому общению между обоими поэтами, как это было в ту пору, Пушкин знал и об этой работе своего старшего друга.

В это же время Пушкин работал над «Русланом и Людмилой». Отдельные места этой поэмы обнаруживают несомненное и близкое знакомство Пушкина со «Словом» уже в эту раннюю пору его творчества. Не один раз поминана Бояна, поэт дает живую картину его выступления на пиру у князя Владимира:

Сидящих речи в шум невинный;
Жужжит гостей веселый круг;
Но вдруг раздался глас приятный
И звонких гусей белым звуком;
Все смолкла, слушают Баяна:
И слышит сладостный певец
Людмилу-прелесть, и Руслана,
И Лелем святым им венец.

Однако этим упоминанием Бояна и бегом очерченным его образом не ограничиваются случаи «Слова» в «Руслане и Людмиле». Развязка этой ранней поэмы Пушкина, хранящая увлечение народным сказочным эпосом и музеем Арноста, дает картину, уже далеко выходящую за пределы романтической истории Людмилы. Это картина Киева, осязаемая, легкая, печенегам, которые в свое время досаждали Руси, не менее половец. Это тема «Слова»: борьба с врагами-кочевниками. Мы не ставим себе задачей здесь в пределах настоящей статьи полное сравнение древней поэмы с поэмой Пушкина, но как не сопоставить ар-тур-Всеволода, стоящего «на борюнии»: «Припеша я во стрелами, грешилси о шеломи мечи харлуными. Камо, тур, поскочиши, своим алым шеломом пощечивая, там лежать поганым головам половецким», — как не сопоставить этих строк «Слова» с пушкинскими строками о Руслане, бьющемся с печенегам:

Где ни просвещает грозный меч,
Вде конь сердитый ни прочмится,
Везде главы сплетают с плеч...

Вредная самоуспокоенность

На собрании актива Института литературы Академии наук СССР

Коллектив работников Института литературы Академии наук СССР — один из сильнейших коллективов советских литературоведов. Однако работа института до сих пор не может удовлетворить широкую советскую общественность. В статье А. Толстого, Н. Тихонова, В. Шинкова и др. («Известия» от 1 апреля 1938 г.) содержится ряд критических замечаний и указаний на существенные недостатки работы института.

Через... 17 дней после появления статьи писателя было созвано собрание работников Института литературы. Вступительный доклад директора института П. И. Лебедева-Полянского не дал правильного освещения работы Института и не способствовал развешиванию большевистской критики и самокритики. Начав с того, что он приветствует всякую критику деятельности подотчетного ему учреждения, П. И. Лебедев-Полянский тут же перешел к полемическим выпадам, направленным в сторону авторов статьи в «Известиях». Я бы мог указать на более серьезные и более существенные недостатки нашей работы», сказал П. Лебедев-Полянский, но этой многообещающей фразой он и ограничил самокритическую часть своего доклада.

Большую часть его он посвятил «громкой чистке» резолюции закрытого заседания учебного совета, притупляющей, как покаяние собрание, всю остроту вопросов, поставленных общественностью.

Несомненно, что такой доклад руководителя института повлиял на развитие и на характер прений. Они начались с выступлений, направленных в основном на опровержение статьи писателя.

Прав был научный работник института Н. Анкин, указавший на ошибочность того пути, по которому развернулось, было, прение. С авторами статьи, по его мнению, следует спорить не потому, что они мало говорят о достижениях института, а потому, что их статья недостаточно широко говорит о конкретных фактах.

Коллектив научных работников, в том числе коммунисты и комсомольцы, — говорил Н. Анкин, — не извели достаточных уроков из разоблачения вредительской деятельности врагов народа, прибравших в свое время в институт. Эти враги пытались изолировать богатейшее литературное наследие от народных масс. Вспомним, как осыпалось имя издателя академического Пушкина, как отрывали от научную работу над этим изданием от политический завет советского литературоведения. Надо сказать прямо, с последствием вредительства борьба ведется слабо.

Мы не можем пройти мимо того, что издание Пушкина до сих пор не налажено. В работе над Пушкиным не ликви-

дирована нехватка. Недостаточно привлекаются к этой работе кадры молодежи. Недостаточен идейный уровень ряда научных работ, выпущенных институтом. В «Западном сборнике» можно найти антимарксистские положения (в частности в статье Берковского), Сочинения Глеба Успенского снабжены такими сложными комментариями, что порой совершенно затмевает текст. В толькой что опубликованном плане истории литературы в предисловии не поставлено больших принципиальных вопросов. Это предисловие — постыдная отписка.

С критикой деятельности института выступил также секретарь парткома В. Гуляев, указавший, что в академических стенах не еще подлинной большевистской самокритики.

— В институте, — указывал проф. Б. Эйхенбаум, — царит обезличка, нет достаточного учета научной работы и необходимых для нее условий. Институт выпускает мало научных работ. Много времени у научных работников института отнимают организационные заседания и собрания, административное дергание.

Ряд выступивших на собрании литературоведов (проф. Деницкий, проф. Пискарев и другие) справедливо отметили неудовлетворительность подготовки молодых научных кадров, указывали на то, что научные заседания института зачастую сводятся к парадным заседаниям, что эти же торжественными собраниями подменяется связь института с общественностью.

Все эти замечания свидетельствуют о наличии в стенах Ленинградского института литературы значительных недостатков, которые, при желании руководства, можно и нужно устранить. Институт выпускает огромный вред Институту литературы Академии наук СССР. Поэтому более чем странно прозвучало предложение П. И. Лебедева-Полянского не принимать резолюции, а присоединиться к его высказываниям, не имея, как мы уже говорили, ничего общего с подлинной самокритикой. Собрание отвергло это предложение.

Надо отметить, что собрание не носило характера широкого общественного обсуждения работы института. На собрании отсутствовали представители литературных вузов, не было писателей (в том числе и авторов статьи). Любопытно и то, что президиум собрания не избирался: этот президиум попросту был занят дирекцией института. Директор объявил себя председателем, а научный секретарь — секретарем!

Ю. ИС.

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.)

Иллюстрация художника Зичи (1853 г.) к песне первой (запову) «Слова о полку Игореве» в переводе И. Гербеля, изд. 1954 г.

Кроме приведенных сопоставлений, можно дать еще и другие. Но особенно важен, по-моему, родственный тематики, облик колорит заключительных строк «Слова».

Насколько мы знаем, в пушкинскую эпоху вопрос о близости Пушкина к «Слову» совсем не затронут, а между тем следует отметить и внутреннее родство поэтической манеры Пушкина и певца «Слова».

Известно пушкинское определение поэтической манеры певца: «Теперь поэт говорит сам от себя не по вымыслу Бояна, но былым его временем». Но разве ту же самую характеристику Пушкин не мог бы отнести и к самому себе?

Конечно, здесь нет и тени заимствования или подражания, но здесь есть нечто большее — средство манеры. Манера поэта формируется очень рано, один влияния откровенно, другие опираясь. Исследование зарождения собственной манеры поэта — очень трудная, но и весьма интересная задача.

III

Мысль о создании поэмы из эпохи древней Руси была у Пушкина еще в детстве: он даже принимался за поэму «Игорь и Ольга». В феврале 1825 года он писал Гнедичу из Михайловского: «Я жду от вас Бичевской мысли. Там Святослава скитается невоспе-

Несколько критических замечаний

Основная задача Института литературы, поставленная перед ним А. М. Горьким, — написать курс истории литературы.

Задача эта чрезвычайно ответственная, требующая колоссального напряжения всех сил и энергии научного коллектива института и привлечения широкого актива литераторов и работников вузов.

Между тем, настоящая творческая среда в институте отсутствует. Некоторые творческие ячейки (группа по изучению литературы XVIII века, горьковская группа и другие) совершенно перестали собираться.

Подготовка к работе по написанию истории литературы ведется медленно, вяло. Одно только планирование заняло бесконечно много времени.

Характерно, что до сих пор еще не было проведено широкого делового обсуждения плана истории литературы. Этот план известен далеко не многим научным работникам института, его не обсуждали работники вузов и писатели. Только в конце апреля план будет рассмотрен научной конференцией в Москве.

Библиотека, архив и музей института являются хранилищами богатейших книжных, рукописных, иконографических собраний, накопленных десятилетиями, но настоящей научной работы над этим материалом не проводится.

Вся публикация многих хранящихся в архиве ценнейших рукописей просто невозможна: работать над этими курсами невозможно в русской литературе. Между тем, работники архива даже не провели предварительного учета этих рукописей.

Широко поставленная справочно-библиографическая работа несомненно оказала бы не меньшее удовлетворительных программ и сколько-нибудь сносных учебников по истории русской литературы, преподаватели литературы в средних школах испытывают огромные трудности в своей педагогической работе.

Трудности эти усложняются еще и тем, что у нас нет вообще научно разработанных курсов истории русской литературы. Институт русской литературы, существующий при Академии наук, давно обещает выпустить монументальный труд в нескольких томах по истории русской литературы. Но темы работы научных сотрудников института разочаровывают всех, кто ждет появления этого труда. До сих пор еще не выпущено ни одного тома.

Мы, преподаватели литературы в средних школах (а нас больше тысячи), никакой помощи от института не получаем. А нам помощь со стороны квалифицированных специалистов абсолютно необходима. В чем мы нуждаемся? И чем может помочь нам Институт русской литературы?

Во-первых, мы очень нуждаемся в консультации со стороны квалифицированных литературоведов по важнейшим вопросам истории русской литературы, по методологии построения этого курса.

Институт мог бы провести серию докладов специалистов по отдельным разделам курса истории литературы. Мы, преподаватели, хотели бы знать от квалифицированных специалистов, на чем следует особенно остановиться внимание учащихся при изучении народного творчества и при изучении древней литературы.

Помощь необходима нам и при изучении литературы XVIII века. Особенности трудности встречаются при изучении литературных направлений конца XVIII и начала XIX веков (классицизм, сентиментализм, романтизм). Не секрет, что многие преподаватели не знают даже, как определять эти направления, тем более, что никаких книг или статей, посвященных исследованию литературных направлений конца XVIII и начала XIX веков, не имеется. Даже такие термины, как литературное направление, стиль, литературная школа, требуют научного обоснования. По всем этим вопросам хотелось бы слышать авторитетное мнение специалистов-литературоведов.

С большим интересом и пользой преподаватели средних школ прослушали бы доклады или лекции о литературной борьбе, происходившей в 20-е, 30-е, 50-е, 60-е годы XIX века.

Все преподаватели хотели бы прослушать лекции соответствующих специалистов по истории русской критики. Нам особенно интересуют такие темы, как эстетические воззрения Белинского, Чернышевского, Добролюбова.

Не совсем ясно для многих преподавателей школы и такие понятия, как народное творчество, критический реализм, социалистический реализм и целый ряд других вопросов литературоведения.

Многие преподаватели средних школ не могут дать правильного анализа творчества Маяковского и тем самым наносят огромный вред делу преподавания литературы.

Нам кажется, что Институт литературы должен был бы привлечь актив преподавателей литературы средних школ для разработки важнейших историко-литературных методологических проблем. Преподаватели-практики могли бы здесь быть очень полезными институту.

Вероятно, институт мог бы найти среди тысяч преподавателей литературы таких работников, которые могли бы быть привлечены и для научно-исследовательской работы в области литературоведения.

Вообще институту следует более внимательно относиться к постановке преподавания литературы в школах, так как в литературном образовании нашей советской молодежи он должен быть непосредственно заинтересован.

реальную пользу в работе над историей литературы. Но библиографический сектор в институте влечет жалкое существование, его значение здесь явно недоучитывается.

Все эти недостатки в работе Института литературы вполне устранимы. Для этого лишь нужно, чтобы руководство института более критически относилось бы к собственной работе и прислушивалось бы к сигналам общественной мысли. К сожалению, директор ИИЛ П. И. Лебедев-Полянский усредняет в том, что на вверенном ему участке «все в порядке».

Когда в «Известиях» появилась статья А. Толстого, В. Шинкова, Н. Тихонова, Б. Мануйлова, В. Оксенова и А. Дымшица о недостатках работы института, руководство института, вместо того, чтобы признать справедливость критики, заняла «вонзиственную» позицию.

Лебедев-Полянский предпочел прострелить в сторону «оdstоявшихся». Разумеется, подобное поведение не способствует овладению работы института. А ведь еще совсем недавно, возглавляя комиссию по обследованию института (до своего директорства), П. Лебедев-Полянский утверждал, что институт находится в состоянии развала. Очевидно, положение директора круто изменило его взгляды.

Было бы гораздо полезнее для дела, если бы руководство института направило свой энтузиазм не на именные отписки, а на создание условий для плодотворной работы над историей литературы. И когда институт, наконец, возьмется за осуществление этой задачи, советская общественность будет в состоянии судить о качестве его работы.

Н. ОЛЕШКО

ПЕДАГОГИ ЖДУТ ПОМОЩИ

Не имея удовлетворительных программ и сколько-нибудь сносных учебников по истории русской литературы, преподаватели литературы в средних школах испытывают огромные трудности в своей педагогической работе.

Трудности эти усложняются еще и тем, что у нас нет вообще научно разработанных курсов истории русской литературы. Институт русской литературы, существующий при Академии наук, давно обещает выпустить монументальный труд в нескольких томах по истории русской литературы. Но темы работы научных сотрудников института разочаровывают всех, кто ждет появления этого труда. До сих пор еще не выпущено ни одного тома.

Мы, преподаватели литературы в средних школах (а нас больше тысячи), никакой помощи от института не получаем. А нам помощь со стороны квалифицированных специалистов абсолютно необходима. В чем мы нуждаемся? И чем может помочь нам Институт русской литературы?

Во-первых, мы очень нуждаемся в консультации со стороны квалифицированных литературоведов по важнейшим вопросам истории русской литературы, по методологии построения этого курса.

Институт мог бы провести серию докладов специалистов по отдельным разделам курса истории литературы. Мы, преподаватели, хотели бы знать от квалифицированных специалистов, на чем следует особенно остановиться внимание учащихся при изучении народного творчества и при изучении древней литературы.

Помощь необходима нам и при изучении литературы XVIII века. Особенности трудности встречаются при изучении литературных направлений конца XVIII и начала XIX веков (классицизм, сентиментализм, романтизм). Не секрет, что многие преподаватели не знают даже, как определять эти направления, тем более, что никаких книг или статей, посвященных исследованию литературных направлений конца XVIII и начала XIX веков, не имеется. Даже такие термины, как литературное направление, стиль, литературная школа, требуют научного обоснования. По всем этим вопросам хотелось бы слышать авторитетное мнение специалистов-литературоведов.

С большим интересом и пользой преподаватели средних школ прослушали бы доклады или лекции о литературной борьбе, происходившей в 20-е, 30-е, 50-е, 60-е годы XIX века.

Все преподаватели хотели бы прослушать лекции соответствующих специалистов по истории русской критики. Нам особенно интересуют такие темы, как эстетические воззрения Белинского, Чернышевского, Добролюбова.

Не совсем ясно для многих преподавателей школы и такие понятия, как народное творчество, критический реализм, социалистический реализм и целый ряд других вопросов литературоведения.

Многие преподаватели средних школ не могут дать правильного анализа творчества Маяковского и тем самым наносят огромный вред делу преподавания литературы.

Нам кажется, что Институт литературы должен был бы привлечь актив преподавателей литературы средних школ для разработки важнейших историко-литературных методологических проблем. Преподаватели-практики могли бы здесь быть очень полезными институту.

Вероятно, институт мог бы найти среди тысяч преподавателей литературы таких работников, которые могли бы быть привлечены и для научно-исследовательской работы в области литературоведения.

Вообще институту следует более внимательно относиться к постановке преподавания литературы в школах, так как в литературном образовании нашей советской молодежи он должен быть непосредственно заинтересован.

не имеется. Даже такие термины, как литературное направление, стиль, литературная школа, требуют научного обоснования. По всем этим вопросам хотелось бы слышать авторитетное мнение специалистов-литературоведов.

С большим интересом и пользой преподаватели средних школ прослушали бы доклады или лекции о литературной борьбе, происходившей в 20-е, 30-е, 50-е, 60-е годы XIX века.

Все преподаватели хотели бы прослушать лекции соответствующих специалистов по истории русской критики. Нам особенно интересуют такие темы, как эстетические воззрения Белинского, Чернышевского, Добролюбова.

Не совсем ясно для многих преподавателей школы и такие понятия, как народное творчество, критический реализм, социалистический реализм и целый ряд других вопросов литературоведения.

Многие преподаватели средних школ не могут дать правильного анализа творчества Маяковского и тем самым наносят огромный вред делу преподавания литературы.

Нам кажется, что Институт литературы должен был бы привлечь актив преподавателей литературы средних школ для разработки важнейших историко-литературных методологических проблем. Преподаватели-практики могли бы здесь быть очень полезными институту.

Вероятно, институт мог бы найти среди тысяч преподавателей литературы таких работников, которые могли бы быть привлечены и для научно-исследовательской работы в области литературоведения.

Вообще институту следует более внимательно относиться к постановке преподавания литературы в школах, так как в литературном образовании нашей советской молодежи он должен быть непосредственно заинтересован.

А. ЗОБНИН
Преподаватель 13-й средней школы
Петр. р-на г. Ленинграда.

20 мая — юбилей Джамбула

20 мая Советский Союз будет чествовать 75-летие творческой деятельности народного певца Казахстана, 92-летнего акына Джамбула.

Союз писателей организует в Москве на заводах, в клубах и вузах доклады о творчестве Джамбула. Поэты будут читать переводы стихов народного певца.

В день юбилея Джамбула в Алма-Ате откроется пленум правления союза писателей Казахстана, в нем примут участие делегация писателей союзных республик. Во время работ пленума будет проведена олимпиада народных певцов Казахстана.

Алмаатинская студия Совкинохронки выпускает киножурнал, посвященный Джамбулу и творчеству народов Казахстана.

К юбилею на граммофонные пластинки будут записаны песни Джамбула. Изогна выпустит портреты народного поэта.

Оркестр союза писателей Узбекистана готовит сборник стихов переводов Джамбула на узбекский язык. Лучшие стихи Джамбула («Песня о Сталине», «Моя родина», «Клим Ворошилов» переведены узбекскими поэтами: Урали, Туали, Амин Умар, Мертирми Турсуновым. Сборник выйдет из печати в начале мая в Государственном узбекском издательстве.

20 мая в Ташкенте будет проведен литературный вечер, посвященный творчеству Джамбула.

На юбилейные торжества выедет делегация узбекских писателей.

что у всех предстоящих потекли слезы умиления.

Лекция Каченовского о «Слове» не была издана, но сохранились отрывки из нее, включенные в статью его ученика Ивана Белковского. Составляла отдельные замечания Каченовского о заметках Пушкина о «Слове», можно представить себе, как протекал этот спор. Но уже для того, чтобы начать его, надобно было, конечно, и самому многое знать и многое передумать о предмете спора.

IV

В последний год своей жизни Пушкин проявляет к «Слову» исключительный интерес, оно становится «любимым предметом» его разговоров. Весной 1836 г. он вел разговоры о «Слове» в Москве с С. П. Шевыревым и И. М. Снегиревым. По возвращении в Петербург читает посещая Публичную библиотеку, вводит в ее состав всевозможные справки о разных местах «Слова», добывая нужные статьи. В бумагах Пушкина имеется заметка о «Слове» А. Х. Востокова, которую Пушкин собственноручно переписал; поводом к ней и составлена она была по его просьбе.

Ярким образчиком необычайной внимательности Пушкина к тексту и образам «Слова» могут служить не только сопоставления соколиной охоты в толкованиях Шинкова и Пожарского, но и тот факт, что в бумагах самого Пушкина сохранились выписки из старинной книги о соколиной охоте.

К декабрю 1836 г. относится напряженная работа Пушкина по оценке и исправлению перевода Жуковского; рукопись опещерена его поправками и пометками. Пушкин думал о критическом издании памятника. 13 декабря 1836 г. А. И. Тургенев пишет Н. И. Тургеневу: «Полночь. Я зашел к Пушкину спрашивать о песне о полку Игореве... Он хочет сделать критическое издание глаза Пушкина». Сам Пушкин, в конце своей жизни, писал жене на Москву с юмором и тонким иронией: «На днях был я приглашен Уваровым в Университ

Театр-Кино-Музыка-Живопись

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

В Особой Дальневосточной

И в эту осень 1987 года молодые призывники ехали на Дальний Восток. По сибирским лесам, над Байкалом, меж забайкальских сопкок шли эшелоны с новыми бойцами ОКДВА. Все поезда были одинаковые. Пожалуй, лишь один эшелон был похож на другие.

В тамбурах и коридорах звучали шек ошаровские монологи, в купе и в вагоне-ресторане ретировались пьесы Вс. Иванова «Голуби мира», готовились к выступлению концертные бригады.

По призыву нарком обороны, маршала Ворошилова Центральный театр Красной Армии на сезон 1937—1938 г. поехал на Дальний Восток. На маленьких, затерянных в тайге полустанках люди встречали театральные поезда.

В октябре коллектив театра прибыл в Хабаровск. В новом здании Дома Красной Армии, на берегу Илуты, театр открыл сезон пьесой И. Прута «Год левых надежд».

На штабных машинах, в гру зювках, на поездах приезжали ежедневно из частей командиры, их жены, красноармейцы, краснофлотцы амурской флотилии.

Театр давал спектакли не только в Хабаровске — он ездил по всему краю. Там, где бойцы не могли прийти в театр, он шел к бойцам.

По уже замерзшему Амуре, по ледяной шуге, на катерах пробивались артисты к амурским пограничникам.

На грузовиках, по неровным дорогам, десятки раз мчались они в дальние гарнизоны и на заставах. Им уже стали известны и знакомы высокие сопки, стали привычны молчаливые и сосредоточенные военные походы, ведущие машинным способом метелью ночью по крутой дорожке, на которую днем страшно смотреть.

15 декабря вечером шел концерт на далекой заставе.

Тихо, с пограничной осторожностью входили люди в морозных тулупах в помещение столовой, садились, слушали, смотрели давно не виданное представление.

Так же тихо вошел в столовую командир маршал Блюхер, обжавший эти места. Как бойцы рапортует о своей работе, рапортовал ведущий: «Артиры Центрального театра Красной Армии дают шефский концерт бойцам заставы №».

После концерта командиры вышли на наспех сколоченную сцену и доложили дружески горюя бойцам и артистам о положении на границе: о театре, об ансамбле красноармейской песни и пляски, о том, как неразрывно связано у нас в стране искусство с народом и его армией.

400 шефских концертов в частях — это целая эпоха в жизни театра.

Концертная бригада поехала на озеро Ханка. По дороге произошла автомобильная катастрофа. Пострадавшие при аварии артисты скрыли от бойцов свое состояние и дали концерт. Закончив выступление, некоторые из артистов отправились в госпиталь, где им пришлось пролежать несколько дней.

Попав в трудные условия дальневосточной зимы, артисты показали себя мужественными и стойкими людьми. Одна из бригад провела двое суток в залесенном

метелью вагоне. Только волеюю в конце второго дня сумел пробиться к аэропорту и привезти в вагон обед.

Разные аудитории слушали артистов театра. Приходилось выступать и перед тысячами людей в новых аэриках ДКА, и перед десятком бойцами, живущими в селках на берегу Тихого океана. Приходилось выступать в темных домиках, освещенных ослепительным светом автомобильных фар. На одну заставу приехала утомленная, продрогшая бригада. Нужно было дать концерт и через два часа ехать дальше. Здесь давно ждали театр. Но начальные заставы посмотрели на усталых людей и сказали: «Вы, товарищи, потянитесь, подкрепитесь. Отдохните, и поедете дальше. Вам трудно сейчас выступать, так вы не давайте концерта. Для нас уже один ваш проезд — необычный праздник».

На Дальнем Востоке теперь знают и любят театр Красной Армии, его мастеров — Зеркалова, Раевского, Герата, Хохлова и его талантливого молодежь.

Живо обрисуя с героями-защитниками Дальнего Востока посмотрели и богатыри артистов. Образы бойцов, командиров, жен начальствующего состава стали понятны и близки каждому.

Не обошлось и без курьезов. Один из артистов, будучи на пограничной заставе, попросил разрешения пойти на охоту. Ему было дано ружье, и он отправился в тайгу. Однако вскоре он был приведен на заставу крестьянскими мальчишками, которые, встретив неизвестного им человека, обещали показать ему место охоты и привели к пограничникам.

Театр показал на Дальнем Востоке две новые постановки: «Угрожение строптивой» Шекспира и «Голуби мира» Вс. Иванова.

Театр хотел показать новую пьесу Виктора Гусева «Дружба», действие которой разворачивается на дальневосточной границе. Однако, изучив жизнь границы, коллектив театра увидел, что Гусев не справился с темой. Отрицательно отнеслись к пьесе пограничники и полтоработники ОКДВА. Они считают, что граница показана в пьесе бледно, автор плохо знает эту жизнь. Бойцы ОКДВА просили Гусева приехать на Дальний Восток и изучить материал.

Горячий прием оказал артисты «Угрожения строптивой» Шекспира, «Вассе Желановой» и «Мещанин Горького». В эти постановки коллектив ЦТКА показал свое мастерство, свою зрелость. Хорошо прошел «Год девятнадцатый» Прута.

И все же у театра нет хорошей пьесы о сегодняшней Красной Армии. Театр показывает пьесу «Бойцы» Ромашова. Герои названы командирами Красной Армии. Однако это тусклые манекены. Пьеса не выдержала испытания временем.

Не плохо проходит «Слава» Виктора Гусева, но спектакль несколько заиград, надо его обновить.

Сейчас театр готовится к поезде на Сахалин, а в середине лета он вернется в Москву.

Работой на Дальнем Востоке театр доказал, что он по праву носит название Театра Красной Армии. Это — боееспособный коллектив советских патриотов.

«ВОЛГА-ВОЛГА»

★ Виктор ШКЛОВСКИЙ ★

Существовала когда-то теория, что пьеса — это предлог для спектакля. Существовала теория, что сценарий — мотивировка трилога.

Эту теорию хорошо помню, потому что сам ее проводил в 1928 году.

Многим кажется, что в комедии эта теория правильна.

Смыслы на Чарли Чаплина. Чаплин не пишет сценария, он делает картины из отдельных сцен.

Эти сцены иногда повторяются на картинах в картину.

Мы знаем такие повторения: Чаплин пролетит свисток или Чаплин катается на роликах. Иногда повторяется не только трюк, но целое сюжетное положение.

Но в картинах с Чарли Чаплиным есть единство героя.

Сам Чарли Чаплин — сюжетный герой, через него зритель узнает многое о мире и о себе.

У Г. Александрова, как говорят в кино, — золотые руки.

Он владеет техникой кино в высоком значении этого слова. Не только техника съемки у Г. Александрова совершенно современная, но Г. Александров знает также, как надо делать комедии, как надо делать смех.

«Веселые ребята» — смешная комедия, прелесть, с цитатными местами.

«Цирк» отличался от «Веселых ребят» элементами мелодрамы. Его финал крупнее сюжетного рисунка вещи.

На комедиях Григория Александрова много смеется, но о них мало говорят.

О «Волга-Волга» стоит поговорить подробно.

В сюжете комедии есть две линии. Первая — это линия Дуни — Орловой.

Девушка сложила песню, эта песня распространяется в народе, девушку обвиняют в плагиате, ей нужно доказать свое авторство.

Вторая линия сюжета — это Ильинский — Бывалов. Жизнь страны враждебно озлобленному бюрократу Бывалову.

То искусство, которое показывает Г. Александров, вне времени и пространства. Самодостаточное искусство — как всегда у Г. Александрова — выражено диалогом. Это не быт, а цитата.

Ильинский работает очень хорошо. Текст его роли во многих местах переключенный, но, к сожалению, комизм ленты в большинстве случаев словесный. Бывалов для Ильинского с большой силой, большой реальностью. Слабее линия Дуни, очень разнообразно и охотно показываемой в ленте. Обе

сюжетные линии оживает Бывалов, который хочет использовать самодеятельное искусство для того, чтобы с одной из самодеятельных трупп проехать в Москву.

Бывалов даже один момент выступает как похититель сны Дуни.

Сюжет мог утонуть, если бы роль Дуни была написана с той же силой, как роль Бывалова, если бы авторы иначе решили вопрос о самодеятельном искусстве, если бы они не увлеклись комичными вещами. Но видна Дуля в ленту вяло, эпизод на плоту вялится. Плот некуда не идет, и вместе с ним стоит сюжет.

Бывалов отремонтировал старомодный паролот «Северюга». Такой паролот возможен в американской комедии. Это паролот с Миссисипи, хотя такие паролоты раньше бывали и на наших реках. Паролот этот плывет очень долго, соревнуясь с расписной парусной баркой лесорубов, открытием театральной. Барка довольно плохо ходит под веслами, паруса на ней неохотно надуваются.

На этих двух, очень условных, судах прожуркована середина комедии. Середина эта очень затянута. Чем дальше от Мельоводка отключает «Северюга», тем более неправдоподобно она становится, но комедия притом не становится комичнее.

Тригун, который работает Александров, мне кажется, сделан технически — я говорю о технике сценария — неправильно.

Хвосту-кантан рассказывает о том, что на реке бревна иногда пробивает дырку кораблей, и сейчас же бревно пробивает дырку.

Привычнее было бы построить так: капитан рассказывает о таких случаях, потом зритель ползузывает о них, и в самый неожиданный момент трюк осуществляется. Но и тогда он бы остался трюком.

Чисто сделанные сцены, показывающие, как Ильинский проваливается через палубу корабля, как сажа летит из трубы паролота, — все это трюки, все это комизм вещей, причем вещей держанных.

Человек, который мог создать Бывалова, который построил очень сложным способом великолепную интермедию поющего официанта (сцена сыграла одним и сетом другим, причем синхронно лагулительный), человек, создавший сцену отчаяния Бывалова среди веселого, поющего города, мог

бы иначе построить сам город, так, чтобы в нем жили не одни дворники и официанты.

В ленте неслышно мужского голоса, большого, серьезной волжской песни.

Потому в ленте «Волга-Волга» есть паролот, а Волги мало.

Перед Волгой показаны нам Чусовую. Проходит на экране превосходно снятая, прекрасная река.

По реке плывут плоты, на плотах плывут самодеятельные хатки. Плывут неплоты, но река у нас очень хороша.

Люди с сердцем иначе пели бы и танцевали, увидев такие берега.

Но знаю, сделано ли это рир-проекция или транпарантом, но сделано это неверно. Песни Лебедева-Кумача — серьезные песни. Им надо было больше верить.

Александров и в этой комедии пошел на мелодраму, положение Дуни — трогательное: она обижена. Но тогда драматичность надо было брать глубже и тише — выше.

Для того, чтобы что-нибудь хорошо знать, надо сперва знать, потом забыть и вспомнить нечаянно.

Надо забыть о том, что в американских комедиях премьера показывается во всех видах и в том числе в мужском костюме, что мы ее видим там и сухой и мокрой.

Это можно делать, но тогда, когда это будет не цитата из недавно увиденной комедии, а ряд положений, меняющих жизненное отношение героев.

Григорий Александров — мастер, ему снисходительность не нужна. Орлова талантливая и привлекательная артистка. Она заслуживает правильно написанной роли.

В вещи нет одного — драматургии, нет подлинности всего одной большой, художественно прочувствованной идеи.

Вещь разламывается, середина выпадает, комедия начата не так, как кончена.

В техническом отношении все сделано хорошо, лучше, чем придумано.

Сила Григория Александрова видна в том, что он вывел замечательного актера, Игоря Ильинского, из штампа.

Штампы были удачны, с ним актер шел из комедии в комедии, это было смешно, но Ильинский мог дать больше. Григорий Александров в этом помог Игорю Ильинскому.

«Волга-Волга» дает нам новые возможности для советской комедии, основанной на характере. Но кинокомедия должна стать сюжетной.

Кинорежиссер должен пойти за драматургом.

Эмиль ГИЛЕЛЬС

Лауреат-орденоносец

Накануне международного конкурса пианистов

9 мая четыре советских пианиста — Олифер, Серебряков, Михновский и я выезжаем в Брюссель для участия в международном конкурсе пианистов имени Изаа. Вместе с нами едет член жюри профессор Фейдберг.

15 мая состоится торжественное открытие конкурса. В этот день Брюссельская консерватория устроит для участников конкурса концерт, которым будет дирижировать Деазре Дефо.

Я начал готовиться к конкурсу уже в феврале.

В первом туре я буду играть Токкату Баха, сонаты Сккарлатти и Шопена. Во втором туре — этюд Иогенна, «Свадьбу Фигаро» Листа — Буони. Для финального третьего тура готовлюсь бе-мольный концерт Чайковского и пьесы Брамса, Листа, Мендельсона, Балакирева и Иогенна.

Почти все эти произведения мне знакомы, они входили в мой репертуар. Заново пришлось разучить лишь четыре вещи.

По условиям конкурса мне надо в Брюсселе неопубликованный концерт бельгийского композитора, который я также должен буду исполнить на конкурсе.

Сейчас усиленно готовюсь к конкурсу. С особой любовью работаю над сонатой Шопена, так как считаю ее для себя самым от ветственным выступлением. Обычно я отдавал предпочтение технически сложным, виртуозным вещам, сильно увлекался Листом, Соната Шопена — драматически насыщенное произведение, в котором хочется вложить максимум чувства, сыграть эту вещь, быть может, в новом для меня стиле.

Я работаю с профессором Нейгаузом, который помогает мне готовиться к конкурсу. Своим подготовленности проверю в клубных концертах. 4 апреля я выступил в концерте, составленном из произведений, подготовленных для конкурса, в Клеве. Надлежащим образом повторить этот концерт в Брюсселе.

Настроение у меня хорошее, боевое.

В конкурсе примет участие 100 представителей от 23 стран. Среди них много прекрасных, талантливых музыкантов. Но меня не покидает твердая уверенность, что четверка советских музыкантов окажется не на последнем месте.

Родина дала нам все для того, чтобы мы еще раз могли доказать всему миру, как велика музыкальная культура Отрвын Советов.

КТО ЖЕ АВТОР «ТРУМФА»?

Я написал две песни для Древенского клуба (Орехово-Зуево) к пьесе знаменитого русского баснописца Ивана Андреевича Крылова «Трумф».

Согласно закону об авторском праве, за мой литературный материал в «Трумфе» должен отчисляться известный процент. Поэтому я подал текст песен и справку клубу в Управление по охране авторских прав, где обещали рассмотреть мою просьбу.

Каково же было мое удивление, когда я получил из управления союза советских писателей следующие отношения, подписанные референтом ССН Николаенко:

«Уважаемый тов. Богатырев. Нам передана отрывок вашей пьесы из Управления по охране авторских прав. Судить по отрывку о целой вещи, консультировать отрывок — нельзя.

Посоветуйте свою пьесу в целом, свои рассказы или стихи на литературную консультацию в издательство «Советский писатель».

Из этой бумаги мне стало ясно, что референт Николаенко приписал авторство знаменитой крыловской пьесы «Трумф» мне и рекомендовал эту «пьесу в целом» направить на литературную консультацию в «Советский писатель».

Референт не потрудился даже прочесть заголовок, относящий над моими песнями, — «Для пьесы И. А. Крылова «Трумф». Иначе трудно объяснить появление такого более чем странного документа, да еще на бланке управления союза советских писателей.

Не является ли случай со мной еще одним убедительным проявлением того казенно-бюрократического отщипа, который принят руководством союза советских писателей?

В. БОГАТЫРЕВ

Выставка «XX лет РККА и Военно-Морского Флота»

В первые числа мая в Москве откроется художественная выставка картин «XX лет РККА и Военно-Морского Флота». Эта выставка создана по инициативе наркома обороны маршала Советского Союза К. Е. Ворошилова.

Около 300 советских художников написали для выставки новые полотна. Сейчас в 26 залах соборника в В. Знаменском пер. д. № 8, заканчивается подготовительная работа к открытию выставки.

Вместе с художниками — членами жюри выставки — мы проходим по многочисленным залам. В ярких художественных полотнах отображена героическая борьба Красной Армии на фронтах гражданской войны, показаны организаторы и вожди Красной Армии: Ленин, Сталин, Ворошилов, Фрунзе, Киров, Орджоникидзе.

Гражданская война, мощь и боевая подготовка Красной Армии и Военно-Морского Флота, Красной авиации, учеба, быт и культура бойцов запечатлены в произведениях изобразительного искусства.

50 экскурсоводов-лекторов будут проводить беседы с коллективами экскурсантов по выставке.

Иногда выслушает плакаты художников Г. Савицкого и В. Сорова, посвященные выставке. Будет также издан каталог выставки с репродукциями картин.

«Нарком Обороны Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов на пышной прогулке» — картина заслуженного деятеля искусств И. И. Бродского.

ВЫСТАВКА РУССКОГО ИСКУССТВА

В Ташкенте в республиканском Музее искусств открылась выставка русского искусства XVIII, XIX и начала XX веков.

Наиболее полно на выставке представлены мастера живописи XVIII и начала XIX века.

Живопись девятнадцатого годов и начала XX века впервые показана полотнами художников группы «Мира искусств».

КОНКУРС НА ЛУЧШУЮ КАРТИНУ

Управление по делам искусств при Совнарком Бурят-Монгольской АССР объявило конкурс на лучшую художественно-выплетную картину к 15-летию республики. За лучшие картины установлены премии: одна первая — 5000 руб., две вторых по 3 тыс. руб. и две третьих — по 2 тыс. руб. Срок окончательного представления картин на конкурс — 1 июля 1988 г.

А. МАЦКИН

«Этическое учение» Виктора Гусева

Признание досталось Виктору Гусеву очень легко; оно пришло к нему сразу после первой пьесы. Кажется, что писателя даже несколько тяготит эта неожиданная известность. Но, как говорится, «положение обязывает». «Славу» ставили во всех городах страны, отсюда разлаивались мучительные колоды о «музественном таланте» и «литерской теплоте» нового драматурга.

В ход была пущена привычная, но вдумываясь приятная для писателя, а на самом деле оскорбительная своим равнодушием, терминология театральная рецензия. В общем одобрительного гула затерялся отдаленные предостерегающие голоса. Кто-то усомнился в том, правильно ли Гусев поименно героическое в нашей жизни. Говорили, что в «Славе» установлена норма героического, что в борьбе с индивидуалистической личностью, претендующей на некую «особость», Гусев приходит к утверждению посредственности, «зауряд-героя», к пошлой философии умеренности и добропорядочности. Гусев не прислушался к этим одиночным критическим голосам. Он написал вторую пьесу. Все в ней словно было предназначено для успеха. Но успеха не было. Поверхностным и космополитическим оптимизм смутил зрителей, требующих от писателя настоящей любви к жизни.

В нашей драматургии последние время существует негласное, но освещенное традицией разделение труда. Среди многих разнообразнейших литераторов есть такая, довольно распространенная — драматурго-оптимисты. Оптимизм этих писателей — это не их мировоззрение, а профессиональный прием, конструкторный прием драматургии.

Очень грустно читать такие оптимистические пьесы. И хочется выяснить, так ли просто быть философом жизнеутраждения?

★ Пьеса «Дружба» В Малом театре ★

Достаточно ли для этого только не замечать трудное и противоречивое в жизни?

Оптимизм советского человека воспитан сознанием исторической правоты социалистических идей; это оптимизм мысли и действия, борьбы и великих преобразований. В нем нет ничего общего с тупым, самодовольным филистерством некоторых драматургов, готовых даже суворовский поход на Альпы изображать в форме веселого скетча (действительный факт!). Но это уже крайность, защитная форма, к которой прибегают только завзятые приспособленцы.

Гусевский оптимизм иного происхождения: результат сознательно принятой, — но ошибочной, — идеи Гусева высокого мнения о профессии писателя. Он хочет, чтобы писатель был учителем жизни, чтобы он устанавливал новые нормы поведения. Вот почему его интересуют историческая эволюция отечественных идей — добра и справедливости, дружбы и славы.

Писатель идет назад у нас были в моде проблемные пьесы о страхе, лжи, трусости. В этих пьесах «лучшей абстракцией» утверждалось, однако, весьма грубое и вредное творение невинности нравственно-го закона, всегда подчиненного биологическому инстинкту человека. Гусеву как будто чужда такая игра идей. Он ставит перед собой задачи более поучительные. Он хочет, чтобы «идеальная правда» его пьес способствовала воспитанию социалистического характера.

В постановках автора к пьесе «Дружба» оказалось: «Время действия — сегодня и завтра». Это звучит несколько претенциозно и явно выдает намерение драматурга писать о людях, которые будут жить завтра, когда, как это кажется Гусеву, не будет никаких трагических конфликтов и оптимизм станет своего рода врожденным рефлексом. Черты такого «инстинктивного» оптимизма Гусев выявляет уже теперь. И тут он становится жертвой весьма грубого заблуждения. Цепляясь человек социалистического общества кажется ему чрезмерно упорядоченным, лишенным волнений, беспорядка и пороков, благоустоенным и благочестивым дядей. Не думает ли Гусев, что он воспекает «гордого, грозного и революционного пролетария», на самом деле изображая «трусистое мещанское убеждение» (Энгельс)?

Какое уныло доктринерское, вымученное представление о жизни людей, и как до бедности скудна фантазия писателя, который ничем, кроме неглубоких интимных переживаний, не может скрасить существование своих героев. И так как его героям скучно, то вполне естественно, что они заполняют свои досуги размышлениями о морали.

О новой морали Гусев сообщает нам нечто чрезвычайно глупое. Проявление неуживчивости в его понимании просто форма самоотречения. Чтобы испытать силу дружбы, нужно пожертвовать личными интересами во имя блага друга. Чувство нравственно-го долга возникает здесь не из общности социальных интересов, не от сознания солидарности и духовного средства, а во влиянием ветхой нормы любви «к ближнему».

Батальонный комиссар Нерадов отказывается от Ольги, узнав, что ее любит полковник Чижов. Полковник Чижов отказывается от Ольги, узнав, как страстно хочет она учиться летному делу. Учительница

Серафима Ивановна отказывается от заветной пьески в Москву, узнав, что с ее приемной дочерью Ольгой случилась беда. Формы самоотречения полностью ищеперывает «этическое учение» Виктора Гусева.

Кроме маленькой идейки «взаимопомощи» в пьесе есть еще несколько «побочных проблем», например, трагедия неуспевающей мечты, безысходность одинокого человека и др. Но сентиментальное проповедничество драматурга и этим проблематикой придает какой-то мещанский привкус.

Искренне жаль молодую двадцатилетнюю девушку Ольгу, которая мечтала о профессии летчицы и вынуждена была отказаться от своей мечты, когда врачи обнаружили у нее порок сердца. Это, конечно, большое несчастье, настоящая жизненная неудача. Понятно, что Ольга очень трудно расстается со своей мечтой. Но морализирующий холодок и резонерство превращают ее центральным монологом в слабое рассуждение о жизни и ее превращениях.

Гусев то и дело спохватывается и опровергает свою высокопарную мораль. Но разумное и трезвое в пьесе живет не в ладу с патетическим и проповедническим — это как бы два несоединимых свойства. Быть может, поэтому фортистический стиль пьесы, иначе казавшийся уместным, наконец становится жестоко утомительным.

Автор предлагает глубокомысленные тирады на любые случаи жизни.

— Что такое дружба? — спрашивает Чижов у Серафимы Ивановны, и Серафима Ивановна отвечает:

«Дружба, Петрович, — что твой макинтош — не промокнет до первого льда».

А что такое чай? Ответ следует немедленно: «Чай с лимоном — великая сила. Моему и иначе: «Чай одинокому — лучший друг».

А чем летит полковник?

«Полковник летит военным маршем. Другим летарством не помочь».

А на что вылетит паша? Это недоумение разрешает бубетнич-циркулец Ерофенч.

«...Я уж давно замечаю: пища влияет на состояние души».

Такую веселую витуринку можно вести в продолжение всех своих картин пьесы. Мы не противники афористической литературы, но афористичность бывает разная. Например, Бомарта, Гроболева и популярного лет десять назад Менделеев Миррача, Гусевские афоризмы раздражают не только своей вычужденной моралью. Пропиши из старого школьного диктанта почему-то изложены рифмованными строками. Кстати, почему Гусев пишет свои пьесы в стихах? Только ли потому, что ему так привычнее излагать мысли? Пьесы в стихах знают свои законы, и разбавленные романтической волнистой комматно-бытовые конфликты «Дружба» никого не обманут своей выдуманной значительностью.

Гусев хочет уложить в стихи разговорную, обиходную речь. Это не делает его пьесу реалистичнее. Наоборот, еще более ее упрощает, придает ей прозаический характер. И когда актер произносит:

«Я чищу картошку. Ох, надоело, — с трудом сдерживаюсь, чтобы не подкашлять».

«Чистить картошку — почетное дело».

Отхи Гусева — пресные, лишенные фантазии, равнообразия ритмов, — все на один лад. Инициация объединений звучит в каждой строфе, независимо от того, что ее произносит: Ерофенч, мольеровский слуга, почему-то очутившийся за бубетной стойкой аэродрома, или молодой красноармеец Воронцов, только что прибывший на пограничную заставу. И когда Гусев пытается оживить монотонность пьесы неожиданными сценическими эффектами, ему почему-то приходится прибегать к домксам, мягко выражаясь, недостаточно обоснованным.

ЗА РУБЕЖОМ

* В конце марта в Мадриде состоялось совещание представителей профессиональных группировок и союзов журналистов Барселоны, Валенсии, Мадрида, Альмери и Аликанте. На совещании было принято решение о создании организации общепрофессионального характера, которая объединит всех журналистов республиканской Испании. Основные задачи по созданию работников печати Испании — создание базы для деятельности испанских журналистов-антифашистов, воспитание молодых кадров журналистов республиканской Испании и культурная помощь провинциальным и фронтовым газетам.

* В Чехословакии вышел первый том трехтомной «Биографии Ленина», над которой работает проф. Неудли. Жизнеописание В. И. Ленина доведено до его возвращения из сибирской ссылки в 1900 г. «Каждая страница этой книги, — пишет «Роте фане», — говорит о том, что проф. Неудли любит Советский Союз, любит революцию и любит Ленина. Теллота и энтузиазм, с которыми написана книга, несомненно заражают читателя».

* Артисты знаменитой Зальцбургской оперы (Австрия) прибыли на гастроли в Париж после турне по США. В беседе с сотрудниками «Се Суар» актриса группы Долчи сообщила, что весть об «апеллюсе» дошла до них в момент отъезда из Америки. «Нам ясно одно, — сказала Долчи, — мы не вернемся в Зальцбург. Я уверена, что почти все артисты нашей оперы эмигрируют в другие страны».

* Один из видных деятелей чехословацкого искусства, директор Национального театра в Праге, поэт, драматург, критик, проф. чешского университета, Оттокар Фишер скончался от удара, прочитав в газете о вторжении германских фашистов в Вену.

* В связи с частыми воздушными налетами на республиканские города, испанские театры начинают вечерние представления в 6 часов. После девяти часов все огни в театрах гасятся. Известная французская певица Бернадет Дельпре, вернувшись на днях из Барселоны, где она выступала в театре «Лицео», рассказывает, что несмотря на жестокие бомбардировки, театры каталонской столицы полны, хотя путешествие со спектаклем домой нередко связано с риском для жизни. Часто во время представления гаснет свет, и тогда, чтобы успокоить публику, оркестр играет каталонский гимн и боевые песни. Последнее представление с участием Дельпре, опера «Манон», было прервано в самом начале ожесточенной бомбардировкой фашистов.

* «Геркель» — новый французский фильм с участием знаменитого актера Фернандо (реж. Александр Эюан). Об этом фильме «Юманите» отзывается как об одном из самых блестящих достижений молодого французского кино. Это острозумная и злая сатира на нравы капиталистической прессы.

* В Париже скоропостижно умер видный французский историк Гюи де ла Валье. Лут Апри Барбюса и Вайана-Куртюр, он вместе с ними был одним из основателей журнала «Кларет», сыгравшего немаловажную роль в формировании идеологии левой французской интеллигенции. Из трудов де ла Валье наиболее известны его книги о Фаоло, о Панамском процессе, «История французского народа» (в сотрудничестве с Жоржем Фриданом) и «Мостовые Парижа» — замечательный путеводитель по революционному Парижу.

Весенний книжный базар

Сегодня, 26 апреля, Могиз открывает на Тверском бульваре весенний книжный базар. От памятника Пушкина до Камерного театра в два ряда протянутся около 80 киосков, между которыми устанавливается до 20 стэндов с работами писателей и ученых.

В продажу поступает политическая литература, произведения классиков марксизма-ленинизма, литература к выборам в Верховный Совет РСФСР, литература о Сталинской Конституции, книги на национальных и иностранных языках, книги по искусству и т. д. Будет открыт специальный киоск художественной литературы.

Кроме Могиза в книжном базаре примут участие и другие торгующие книгами организации: «Советский писатель», издательство Академии наук СССР, Обединенное научно-техническое издательство (ОНТИ).

В киосках Центрального университета, Мосгорга, районных торгово-промышленных организаций будут продаваться игрушки, картины, скульптуры, портреты, цветы. Книжный базар продлится до конца мая.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЕСТИ ИЗ РЕСПУБЛИК

Переводы произведений В. В. Маяковского

Государственное издательство Белоруссии выпускает в переводе на белорусский язык произведения Маяковского. Вышла из печати поэма «Владимир Ильич Ленин». Издается два сборника произведений Маяковского для детей старшего и младшего возраста. Стихи Маяковского издаются в Минске и на еврейском языке.

На фабриках и заводах, в воинских частях 8-й годовщина со дня смерти великого советского поэта Маяковского была отмечена выставками, массовыми собраниями, беседами, литературными вечерами.

В Государственной библиотеке имени Ленина организована выставка произведений Маяковского, изданных издательствами РСФСР, Украины, Белоруссии, Грузии.

Госиздат Армении выпускает в этом году одностомик избранных сочинений В. В. Маяковского в переводе на армянский язык. В одностомик войдут: «Владимир Ильич Ленин», отрывки из поэм «Хорошо», «Война и мир», «Облако в штанах», «150.000.000», «Во весь голос»; стихи: «Разговор с финляндцем о поэзии», «Левый марш», «Провославившиеся», «Домой», «Отъезд от советского паспорта», «Солнце», ряд оборонных стихов и т. д. Объем одностомика — 15 печатных листов.

Конкурсы на лучший рассказ

Крымское отделение союза писателей, Крымгиз, республиканские газеты объявили конкурс на лучший короткий рассказ. За лучшие произведения устанавливается несколько премий.

Рассказы, премированные, а также одобренные жюри, предполагается выпустить в крымском издательстве отдельной книгой.

Оргкомитет союза советских писателей Узбекистана объявил конкурс на лучший рассказ на современную тему. Срок конкурса — 5 сентября 1938 г. Установлены три премии: 6000 руб. (первая), 3000 руб. (вторая) и 2000 руб. (третья). На конкурс уже поступило 45 рассказов (25 на узбекском и 20 — на русском языке). 60 молодых писателей Узбекской ССР прислали жюри конкурса письма, в которых они сообщают о том, что готовы к конкурсу свои произведения.

Стихи Т. Масенко

Гослитиздат Украины выпустил в свет новую книгу Т. Масенко — «Вітчизна» («Родина»). Большинство стихов, включенных в эту книгу, — песни о великой социалистической стране, о цветущей колхозной жизни, о дружбе народов единого Союза.

Адыгейские детские сказки

Адыгейский писатель Тембот Керашев сдал национальному издательству сборник «Адыгейские детские сказки». Размер рукописи — 10 печатных листов. Книга будет издана к осени этого года.

По следам материалов «Литературной газеты»

«Почему не издаются книги А. Р. Беляева?»

В последних номерах «Литературной газеты» были напечатаны материалы о положении большого писателя А. Р. Беляева, автора талантливых научно-фантастических романов, повестей и рассказов.

В № 5 «Литературной газеты» был напечатан фельетон «Писатель остался один», за подписью постылого редактора и создателя издательства к сульбе и творчеству А. Р. Беляева. В № 21 «Лит. газет» от 15 апреля группа ленинградских профессоров и научных работников выступила с требованием переиздания главнейших произведений А. Р. Беляева.

В связи с этими материалами ленинградское отделение издательства «Советский писатель» просит нас сообщить, что им подготовлено к изданию роман А. Р. Беляева «Голова профессора Доуэля». Роман выйдет в свет в течение июля-августа текущего года.

Молодой скульптор тов. Музыченко, рабочий завода «Ростсельмаш», занимается в скульптурном кружке при Дворце культуры Ростсельмаша. В этом году тов. Музыченко направляет для учебы в Академию художеств. На снимке: тов. Музыченко (в центре) рассказывает рабочим о работе над своей последней скульптурой «На страже границ».

6000 ОТКАЗОВ

Что такое «Книга-почтой»?

Непрерывным потоком поступают в редакцию письма-жалобы на Могиз и его филиал «Книга-почтой».

«Книга-почтой», прежде всего, не столько наименование определенного учреждения, сколько род занятий. «Книга-почтой» имеется почти в каждом издательстве. Никаких книжных фондов за «Книга-почтой» нет. Работает она почти исключительно с затаренной или трудно обрабатываемой книгой.

Вот что, например, представляет собой столышка «Книга-почтой», то есть функционирующей под этим названием отдел Могиза, обслуживающий Москву и Московскую область. Масштаб деятельности этой организации характеризуется тем, что за март она разошлась 6 тысяч писем с отказом в высылке литературы. Собственно говоря, писание таких ответов и есть главное содержание работы «Книга-почтой» Могиза. Ибо в тех случаях, когда дело идет о выполнении заказа, этим занимается соответствующие магазины, которых «Книга-почтой» обслуживает. Через «Книга-почтой», — утверждает ее руководитель Т. Шаманин, — проходит в среднем ежемесячно 15—16 книжных отправок. Что это за отправки? «Книга-почтой» Могиза является в основном почтовой агентурой двух книжных магазинов Москвы, из которых один специализирован для торговли технической литературой, другой — сельскохозяйственной.

В ежемесячном балансе «Книга-почтой» Могиза имеется 6 тысяч отказов. Другие организации «Книга-почтой» зачастую не удаются своих клиентов даже отводом. П. Н. Омельченко (село В. Благовещенка Горностаевского района Николаевской области) пишет:

Еще раз об опоздании журналов Гослитиздата

Апрель подходит к концу, а из восьми литературно-художественных и критических журналов, выпускаемых Гослитиздатом, в этом месяце не вышел ни один, если не считать «80 дней» тираж которого начал сваливаться только в эти дни.

Уж сколько раз указывалось издательству на то, что нарушение обязательств перед читателем-подписчиком на периодические издания непусто.

Что же случилось с гослитиздатскими журналами? Кто виноват в таком опоздании очередных книжек журналов, которые сегодня должны были лежать на столе у подписчиков?

В пяти случаях из восьми повинна 15-я типография треста «Политграфит». Журнал «Знамя», во-первых сданный в печать редакцией, был задержан типографией в верстке. Сигнальный экземпляр вышел 19 апреля, однако редакция, вместо того чтобы нарастить ушедшие дни, до сих пор не сдала тиража, хотя по графику 4-я книга «Знамени» должна выйти 14 апреля.

Журнал «Интернациональная литература» был задержан типографией и при наборе (на 5 дней) и при верстке (на 7 дней). Вместо того чтобы согласно графику дать 17 апреля тираж четвертой книги, типография только собирается выпустить сигнальный экземпляр.

Безобразнее всего обстоит дело со второй, мартовской, книгой «Литературного обозрения» (№ 6). Только из-за того, что редакция «Лит. обозрения» вследствие опоздания типографского процесса потребовала лишнюю сверху, что могло задержать выход номера максимум на 2-3 дня, типография бесконечно откладывает печатание шестого номера. Наконец, 1 апреля она дает сигнальный экземпляр, а тираж задерживает еще и по сей день. Спрашивается, какие новости принесет читателю двухнедельный журнал, опоздавший на полтора месяца? За это время успел выйти седьмой номер «Лит. обозрения», хотя и он опоздал на 23 дня с 11-дневным опозданием проходит типографский процесс и восьмой номер «Лит. обозрения», который должен был выйти в свет 15 апреля.

В опоздании «Лит. критика» повинны и редакция и типография. В виду заужения материалов, которую редакция сочла нужным сделать во время верстки, процесс задержался на 4 дня. За это типография, придравшись, видимо, к случаю, до сих пор не приступает к печатанию тиража, который согласно графику должен был быть готов к 21 апреля.

Разумеется, все эти факты лишь объясняют, но ни в какой мере не оправдывают козметического опоздания журналов. Читатель нет дела до редакционных неполадок, до взаимоотношений издательства с типографией и прочей издательской кухни.

Валет в хореографической форме освещает вопросы организации работ на строительной площадке и бичует антигуманизаторские настроения отдельных хозяйственников.

Нижне мы печатаем ориентировочный вариант либретто.

«Последний (четвертый по числу) запрос в Харьковское отделение «Книга-почтой» Могиза я послал еще 30 января, а ответа никакого».

Учитель Ф. Михеев (из Куйбышевской области) пишет:

«Я несколько раз обращался с просьбой о высылке мне той или иной книги, однако на всякую мою просьбу отвечали отказом».

Невозмутимое спокойствие отделов «Книга-Почтой» Могиза разделяет полностью «Книга-почтой» издательства «Искусство», но советует она это иногда с мягкой шуткой над своими клиентами.

Вот что пишет нам, например, сотрудник «Черное Золотце» т. В. Лебединский о своем печальном опыте с этой почтенной организацией:

«Несколько месяцев тому назад из рекламного отдела издательства мы узнали о выходе книги «Маркс и Энгельс об искусстве». Я послал заказ на эту книгу, однако не получил никакого ответа. Издательство, между тем, продолжало рекламировать все новые и новые издания, любезно предлагая выписать их при посредничестве и человеколюбивом содействии организации, именуемой «Книга-почтой». Вооружившись терпением, я послал заказ на ряд книг. Но прошло и полтора месяца, как эта организация со своей стороны быстрой пришла открытка, обещающая выслать книги. До сих пор я не получил ровно ничего, хотя со дня моего первого заказа прошло около пяти месяцев».

Книга в нашей стране — один из самых массовых продуктов потребления, притом, поистине, первой необходимости, и нужно жестоко карать бюрократов, позволяющих себе игнорировать эту потребность народа.

С. ИПОПОЛИТОВ.

Из писем читателей

О СЦЕНАРИИ «РУСЬ»

Ниже приводим в существенных выдержках письмо в редакцию «Литературной газеты» об ошибках, допущенных в печатанном в «Знамени» литературном сценарии П. Павленко и С. Эзенштейна «Русь» и ответ авторов сценария.

Блокнот к исторической правде

В сценарии предводителем меченосцев является майор Ливонского ордена Грима Балк. Это неверно. Балк умер за три года до Ледового побоища. В 1241 году магистром в Ливонии (провинция) был утвержден Андрей фон-Фельфен. Во время магистерства Фельфена произошло 5 апреля 1242 года Ледовое побоище на Чудском озере. Фельфен командовал войсками ордена.

Непонятно, зачем авторам сценария понадобилось старшину Ижорской земли, воина и начальника Пелусия сделать в фильме монахом. Никогда ни монахом не был и, вообще, в русских летописях, в частности в первой Новгородской и Псковской, нет ни слова об участии монахов в походах и битвах Александра. Пусть уж лучше монахи сражались на стороне немцев.

По сценарию, в последний приезд Александра Невского в орду, жена Ханя Беркина приказывает отравить его. Слава Александра, как государственного мужа и полководца, грешна на западе и на востоке. В орде неизменно принимали Александра с почетом. Отравления не было и быть не могло, и, главное, великие личности Александра, страдалица за Русь, как его именуют летописцы, ничего не вытворяет от этого вымысла.

В сценарии читаем: «Палач за лабазами причитывает плачу. Народ соборится со всех сторон». Татары рубили головы в всякой торжественности, и не на плахе, а в топориках, а саблями. На плахе рубили головы у русских и в более поздний исторический период. Лабазов тоже у татар не было.

«На саних, убранных персидским ковром, развезли, сидят в соборной шубе боярин Твердило Иванович... Сани запряжены тройкой дельунов».

Сцена совершенно невероятная. В Пскове, как и в Новгороде, было вече. Псковичи и новгородцы весьма внимательно относились к нарушениям своих прав. Бесчисленные примеры их расправы с боярами за проступки, гораздо более мелкие, но ущемляющие права «меньших» людей.

П. ЕВСТАФЬЕВ.

Ответ

тов. П. Евстафьеву

Исторические погрешности, допущенные нами в первом варианте литературного сценария «Александр Невский», и те, о которых говорит автор письма, и другие, отмеченные специалистами-историками, уже исправлены нами в последующей редакции литературного сценария. Хотя некоторые из этих исторических погрешностей, — как напр. присвоение нами одному из персонажей сценария Твердиле чина воеводы, а не посланика, — не играли большой роли и не нарушали исторической правды, но коль скоро явилась возможность уточнить все детали, удалены и эти мелочные уклонения от протокольного истины.

Гораздо более существенным недостатком нашего первого варианта являлся словарь сценария, не всегда удачно модернизированный.

Вызывала у нас самих сомнение и «могилская» часть сценария. Благодаря товарищеской помощи ряда историков нам удалось так построить последующие варианты этой части, что удаление от исторической хроникальности не совершалось и не возвращало исторической правды событий. Но затем, в дальнейшей работе, композиционные и драматические соображения заставили нас вовсе отказаться от ордынского сцен. А это, в свою очередь, потребовало изменения ряда сцен в начале сценария, в частности сцен оккупированной немцами Пскова.

Кстати, сцена Твердилы в саних, вызвавшая упрек автора письма в невероятности, удалена нами просто как безусловная, плохая. Будь она отягчена, никакие досужие соображения в ее невероятности не убедили бы нас от ее отказаться. Странным фильмом на одних всеосторонне доказуемых фактах столь отдаленной от нас эпохи было бы трудно.

В результате большой работы, проделанной нами в сотрудничестве с историками, сценарий «Русь» закончил свое существование на страницах журнала. Преминком его является сценарий «Александр Невский», в котором, как нам кажется, мы сумели избежать исторических вольностей.

П. ПАВЛЕНКО, С. ЭЗЕНШТЕЙН.

В МИРЕ КНИГ

«Аптека для души»

К числу библиографических редкостей принадлежат каталоги старых частных библиотек для общественного пользования. Особенно редок изданный в 1949 году в Киеве каталог под следующим названием: «Аптека для души, или систематическая алфавитная роспись книг, составляющих кабинет чтения новостей русской словесности, с описанием содержания некоторых сочинений и мнений о них наших критиков. Павла Петровича Должикова, современника мп. Об-ва истории и древностей российских при Московском университете, комиссионера Киевской комиссии для разбора древних актов, Российского об-ва для застрахования доходов и капиталов, главного поверенного в юр-важных губерниях России, старшего от огня товарищества «Саламандра», поверенного по Киевской губ., отставного капитана и кавалера».

Сведения об этом «отставном капитане и кавалере» почти не имеются. Книг его сохранилось под несколькими названиями в «Трудах московского об-ва истории и древностей» и в газете «Киевлянин» 70-х гг. Известно еще из его письма в редакцию журнала «Русская старина» (1875 г.), что «кабинет чтения» был им открыт в 1843 г. и первоначально носил название «Феникс».

Из этого же письма видно, что отставной капитан был большим книголюбом и особенно ревностно собирал старинные периодические издания и брошюры. «Собрание это, — писал он, — я, при случае, не упускаю пополнять, но с сожалением скажу, что иногда, при назначении выдольной цены, и отпускаю его по частям». Так, 1500 названий книг, брошюр и журналов было продано им Публичной библиотеке.

Очевидно, нуждаясь в средствах, Должиков и превратил свою личную библиотеку в «кабинет чтения». Но не один только коммерческий расчет заставлял его сделать это. Стратный каталог, он стремился привить эту любовь и другим. В предисловии к своему каталогу он ставит «вприглашение» большую цитату из летописца Нестора, восхваляющего книги: «Беднаго бо бывает польза от учения книжного...» Сообщив, что у него имеется 4.400 названий книг по разным отраслям знания, он поясняет, что им «собрано преимущественно только то, что составляет честь и гордость нашего литературного, ее красу, ее избранное сокровище».

Далее он советует читателям не передавать книг для чтения другим лицам, считая такой обычай «крайне вредным», так как из-за него «книги находят весьма малый сбыт», и с негодованием говорит о людях, которые «считают преступлением не держать хотя один собственный рубль на приобретение книги, бросая зато иногда на пустки сотни рублей», а книги, выписывая у других, «зачитывают». От такого «книжного ширпотреба» у нас, — пишет он, — во многих городах нет ни книжных лавок, ни библиотек.

Нужно думать, что «книжные притраты» Киева не мало вредили успеху «кабинета чтения», так как Должиков вынужден был для заработка заниматься делами страхового общества и что было для него всего печальнее, продавать свои книги.

При «кабинете» имелось собрание библиографических и нумизматических редкостей, о котором тоже сообщено в предисловии к каталогу, с извещением, что «кабинет приобретает покупкою или обменом старые рукописи, старопечатные книжки, рисунки, оружие, металлы и прочее». Вероятно, большинство антикварных приобретений Должиков перепродавал тем историческим обществам, комиссионерам которых он был Одной «аптекой для души» существовать в те времена было трудно.

Умер П. П. Должиков в середине 80-х годов.

Н. ЛУСИНОВ

Юбилей поэмы

«Двенадцать»

Недавно исполнилось двадцатилетие юбилей одного из наиболее замечательных произведений А. Блока — поэмы «Двенадцать». Она опубликована впервые 3 марта 1918 г.

«Двенадцать» вызвали огромный резонанс и в литературных кругах и среди читателей Блока. Недвижим «друзья» поэта подвергли его остракизму, отказались подавать ему руку, травляли в печати. До нас не дошли высказывания М. Горького о поэме Блока. Но в одной из записок поэта в дневнике (т. II) можно прочитать, что Алексей Максимович имел суждение о поэме, и это суждение Блок называет «очень знаменательным».

В. НАГЕЛЬ

И. С. ТУРГЕНЕВ О СМЫСЛЕ И ЗНАЧЕНИИ ПОЭЗИИ

В ответ на Ваш вопрос позвольте мне сказать, что поэзия никому и ни в какой век собственно не нужна, — она роскошь — до роскоши доступная всякому, даже беднейшему; в этом ее смысл и красота и польза.

Ив. Тургенев.

Декабрь, 1872.

Это высказывание И. С. Тургенева о смысле и значении поэзии адресовано неизвестному лицу. Этот весьма любопытный автограф И. С. Тургенева находился в архиве Ю. Б. Штурмера, сына известного парского министра. Сейчас этот автограф, как и письма И. С. Тургенева, опубликованные в «Литературной газете» от 20 апреля в статье «Неизвестная переписка И. С. Тургенева», хранится в Государственном Литературном музее.

Ю. КРАСОВСКИЙ.

ОШИБКА ИСПРАВЛЕНА

В № 52 «Лит. Газет» (от 30 октября 1937 г.) в заметке «Наглядный урок» сообщено о студенте Литинститута ССР тов. Ярополке Семёнове как об авторе поэмы, пропавшей, по мнению студенческого семинара 3-го курса, авторских тенденциях. На этом основании дирекция Литинститута неправильно исключила т. Семёнова из числа студентов. Сейчас дирекция Литинститута исправила свою ошибку и восстановила тов. Семёнова на учёбу в институте.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: В. СТАВСКИЙ, Е. ПЕТРОВ, В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ, Н. ПОГОДИН, О. ВОЙТИНСКАЯ.

МАЛЕНЬКИЙ ФЕЛЬЕТОН

Нельзя не заметить, что некоторые писатели за последнее время стали настойчиво публиковать в литературно-художественных журналах материалы, прямого отношения к литературе не имеющие. (Из газет).

«...И скоро номер толстого журнала будет выглядеть примерно так:

Сивастополь всех наверх!

2-й литературный вариант 7-го варианта режиссерского сценария по литературному либретто писателя В. Бей-Навылет.

Пуска поворачивается в сторону зрителя.

— Ура! — отчетливо прозвонит решительный мужской голос.

Пуска поворачивается. Тот же голос так же говорит:

— Ура! Ура!

Пуска продолжает круговращательное движение.

Фляга кока Фелотыча.

Хоро боинава Скляничка.

Профиль капитана Гейса.

Лино матроса Матвея Ведущего.

Морда корабельного пса Кутьки.

Хвост корабельного пса Кутьки.

Ланы Мокрый нос.

Мокрый нос броненосца.

Лезное ухо корабельного пса Кутьки.

Ухо поворачивается.

Орудие поворачивается.

Пуска

вокруг оси

обращается

в сторону

зрителя

— Сивастополь всех наверх! — решительно командует решительный голос. Решительное лицо матроса Матвея Ведущего Это командует он.

Правое ухо корабельного пса Кутьки Оно настроилось.

Ласковое лицо Матвея Он смотрит в умные глаза Кутьки. Ласково говорит:

— Эй, ты, сукин сын...

Танцы до утра

Рука Матвея между правым и левым ухом Кутьки. Гладит.

Пуска поворачивается по.

Строгое лицо Матвея. Он смотрит в глаза капитана Гейса. Сурово и презрительно говорит:

— Эй, ты, сукин сын...

Кутяк Матвея между левым и правым глазом Гейса. Сильная барабанная дробь. — Товарищи, — говорит Матвей.

Очень медленно проходила в кадре мимо причудливого абриса облаков, мимо 28 причудливых броненосцев, 117 торпедных катеров, 69 перископов подводных лодок и чайки, парящей над волной, поворачивается длинное, грозное дальнобойное орудие броненосца.

— Огонь! — командует Матвей.

Пуска повернулась.

Облачко дыма. Гул. Отлеча.